Kp 196 199
p

Ку 196.189

№ 115.
Кф.
196.199

Стр. 1–30

Библиотека Ростов н-Д. им. К. Маркса. книгохранилище
Кр. 196.199
Проверено 1937—38 г.
095,7 6

Очеркъ развитія административныхъ учрежденій въ Кавказскихъ казачьихъ войскахъ.

095,7 6
Проверено 1944 г.

Кавказскія казачьи войска, занимающія нынѣ, непрерывнымъ рядомъ 320 поселеній, предгорія и степи сѣвернаго Кавказа, отъ Каспійскаго до Чернаго моря, въ числѣ слишкомъ 700 т. душъ обоего пола и выставляющія на службу государству, по первому призыву, до 43000 строевыхъ, исправно вооруженныхъ и снаряженныхъ на собственный счетъ, казаковъ — сто пятнадцать лѣтъ назадъ состояли всего изъ 5-ти Гребенскихъ и 3-хъ Терскихъ семейныхъ городковъ, да одной слободы подъ Кизляромъ, съ населеніемъ, непревышавшемъ 7 т. душъ обоего пола, въ числѣ которыхъ служилыхъ казаковъ, вмѣстѣ съ ихъ старшинами, состояло на жалованьи не болѣе 1000 челов.

Такое быстрое развитіе казачьихъ войскъ на Кавказѣ могло совершиться только по волѣ и указаніямъ Правительства и дѣйствительно, по принятому въ концѣ прошлаго вѣка и неуклонно преслѣдуемому, несмотря ни на какія жертвы, плану—оно воздвигло изъ казачьихъ станицъ живой оплотъ на своихъ южныхъ окраинахъ, оплотъ который долженъ былъ сперва оградить спокойствіе внутреннихъ провинцій отъ хищничества горцевъ, а затѣмъ стѣснить и задавить этихъ горцевъ въ ихъ собственныхъ земляхъ. Переселеніемъ казаковъ въ значительныхъ массахъ въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія, Кавказская война началась, переселеніемъ же и водвореніемъ новыхъ станицъ, въ шестидесятыхъ годахъ текущаго вѣка, она была и закончена.

Исторія развитія Кавказскихъ войскъ разбивается по этому на три главные періода, изъ которыхъ въ первомъ, до начала переселеній,—предоставленныя собственнымъ своимъ силамъ, казачьи общины на Кавказѣ жили самостоятельною жизнью, развиваясь подобно прочимъ казачьимъ войскамъ, во второмъ—совпадающемъ почти съ цѣлымъ столѣтіемъ войны, вновь переселяемые на Кавказскую линію казаки вынуждены были устраиваться на новыхъ мѣстахъ и въ то же время, одинаково съ первыми поселенцами, вести ожесточенную борьбу за существованіе, что и отразилось въ крайней мѣрѣ на ихъ своеобразной и приспособленной исключительно къ условіямъ военнымъ, организаціи; наконецъ въ послѣднемъ періодѣ, наступившемъ по окончаніи войны на Кавказѣ и продолжающемся по нынѣ, казачье населеніе, уже установившееся на мѣстахъ имъ занятыхъ, начало устраиваться для новой жизни, при совершенно для нѣкоторыхъ частей его мирныхъ условіяхъ и на очередь выдвинулись вопросы о развитіи уже не военныхъ, а гражданскихъ въ немъ началъ. Къ этому времени возникли даже сомнѣнія о полезности самаго существованія, какъ отдѣльнаго сословія, этого населенія, сослужившаго съ изумительнымъ самоотверженіемъ тяжкую, кровавую службу государству, дающаго ему и теперь грозную вооруженную силу, именно тамъ гдѣ оно нескоро еще перестанетъ къ ней нуждаться, сберегающаго этимъ на много милліоновъ военный бюджетъ и облегчающаго населенію Имперіи тяжелую для него воинскую повинность.

Н-68228
Библиотека им. К. Маркса
Р.С.Ф.С.Р. им. К. Маркса

Подъ непосредственнымъ вліяніемъ быстро развивавшихся событій, для участія въ которыхъ Кавказскіе казаки были призваны, ихъ учрежденія создавались и измѣнялись не въ какой либо послѣдовательной системѣ, а вполнѣ случайно, въ зависимости отъ требованій времени и въ особенности отъ взглядовъ лицъ, стоявшихъ во главѣ управленія.

Составленію по этому очерка развитія казачьихъ учрежденій должно бы было предшествовать изданіе систематической исторіи покоренія Кавказа, да и тогда задача эта потребовала-бы прежде всего времени для собранія и изученія необходимыхъ для нея матеріаловъ; недостатокъ же во времени, а также въ находящихся подъ руками матеріалахъ и совершенное отсутствіе всякой ихъ предварительной обработки, заставляетъ ограничиться далеко не полнымъ и слишкомъ общимъ обзоромъ возникновенія этихъ учрежденій и перемѣнъ въ нихъ происходившихъ, причемъ нельзя, конечно, было обойти, въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ случаяхъ, событій, составляющихъ достояніе общей исторіи Кавказскаго казачества, и самой хотя бы краткой характеристики его быта въ разныя эпохи.

Подраздѣляя исторію казачьихъ учрежденій на тѣ же три главные періода, на которые рѣзко дѣлится исторія бытовая, нельзя не замѣтить однако же, что первая проводимая нескончаемыми коммисіями, значительно запаздывала противъ второй, создаваемой жизнью и что въ исторіи учрежденій есть свои эпохи, какими были напр. для Линейнаго войска учрежденіе Кавказскаго Намѣстничества въ 1786 году, образованіе этого войска въ 1830 г., изданіе перваго для него положенія въ 1845 году, переименованіе въ 1860 г., и наконецъ изданіе нынѣ дѣйствующаго положенія въ 1869 году.

I Періодъ до 1770 года.

Добровольно, по собственному побужденію, въ предгоріяхъ Кавказа водворилось только одно Гребенское казачье войско, едва ли не первое извѣстіе о которомъ заключается указаніи лѣтописей на участіе гребенскихъ казаковъ въ депутаціи отъ Кабардинскихъ князей, прибывшей въ Москву въ 1555 году, съ просьбою о покровительствѣ могущественнаго русскаго Царя, только что покорившаго Казань и Астрахань. Іоаннъ Грозный, по словамъ преданія, подарилъ тогда гребенцевъ рѣкою Терекомъ и, повелѣвъ устроить для поддержанія ихъ и Кабардинскихъ князей при устьяхъ этой рѣки крѣпость, снабдилъ ее достаточнымъ гарнизономъ и артиллеріею.

Въ составъ гарнизона вошли стрѣльцы и команды казаковъ Яицкихъ, Гребенскихъ и другихъ, смѣнявшіяся ежегодно, отчего и самая служба въ крѣпости или городѣ Теркахъ называлась годовальщиною. Въ слободахъ, развивавшихся подъ городомъ, стали селиться выходцы изъ Россіи и принимавшіе православіе горцы, а также армяне и грузины, а въ 1659 году повелѣно было водворить на Терекѣ, на вѣчное житье, 1379 человѣкъ стрѣльцовъ съ ихъ женами, дѣтьми и всѣми животы. Стрѣльцы эти, вмѣстѣ съ охотниками изъ разноплеменныхъ слобожанъ, положили начало Терскому, впослѣдствіи Кизлярскому войску, до временъ Петра Великаго сохранявшему ту особенность, что старшины ихъ, по стрѣлецкому обычаю, назывались головами. Петръ 1-й переименовалъ ихъ въ Ротмистры. Рѣшаясь утвердиться прочно на берегахъ Каспійскаго моря и обезпечить путь въ Персію, Великій Преобразователь Россіи заложилъ въ 1724 году новый городъ Св. Креста въ устьяхъ рѣки Сулака и приказавъ переселить туда Терскихъ казаковъ и 500 семействъ съ Дона, указалъ, для занятія Кавказскихъ окраинъ, способъ, который впослѣдствіи получилъ такое обширное примѣненіе. Одновременно съ заложеніемъ крѣпости Св. Креста, Петръ повелѣлъ переселить гребенцевъ съ праваго берега р. Терека на лѣвы

на тѣ приблизительно мѣста, гдѣ и теперь находятся гребенскія станицы, принять войско Гребенское во всѣхъ управленіяхъ въ вѣдѣніе Военной Коллегіи, опредѣлить ему постоянное денежное и хлѣбное жалованье и въ виду гибели въ отрядѣ Бековича-Черкасскаго подъ Хивою 500 гребенцевъ,— усилить войско переселеніемъ 500 семействъ съ Дона. «Кажется» говоритъ Бутковъ (матеріалы для новѣйшей исторіи Кавказа) «что намѣревались перевести къ кр. Св. Креста и гребенскихъ казаковъ, но отъ сего удержались, по видимому оттого, что въ Апрѣлѣ 1724 года были слухи о намѣреніи ихъ бѣжать за Кубань, противъ чего взята была осторожность.» Не состоялось также и предположенное усиленіе ихъ Донскими казаками и всѣ вызванныя съ Дона 1 т. семействъ были поселены въ 5 городкахъ въ окрестностяхъ кр. Св. Креста, образовавъ, вмѣстѣ съ переведенными въ эту крѣпость Терскими казаками, новое войско Аграханское. 25 Ноября 1725 года войско это получило грамоту, въ которой Императрица ЕКАТЕРИНА I повелѣвала: жить сему войску на Аграхани, въ удобныхъ мѣстахъ, по усмотрѣнію Астраханскаго губернатора Матюшкина. Денежнымъ жалованьемъ довольствовать войско наравнѣ съ Донскими, Гребенскими и Терскими казаками; выдать ему знамена и оружіе и разрѣшить отправлять въ Петербургъ зимовыя и легкія станицы.

Войско встрѣтило на отведенныхъ ему мѣстахъ безплодную каменистую или болотистую почву, нездоровый климатъ, крайне враждебныхъ и воинственныхъ сосѣдей и наконецъ моровую язву. Битвы и болѣзни въ десять лѣтъ уменьшили его настолько, что когда въ 1735 году,— какъ писалъ коменданту Св. Креста полковнику Энгери, Главнокомандующій Персидскимъ корпусомъ и Приморскимъ краемъ генералъ-аншефъ Левашевъ,—было повелѣно «въ разсужденіи заключеннаго между Россійскою Имперіею и Персіею въ Ганжѣ транспорта новопостроенную крѣпость Св. Креста, выведя гарнизонъ, разрыть и линію сію упразднить, а войско Аграханское перевести по удобному мѣстоположенію на Терекъ»—то къ этому времени изъ 1 т. Донскихъ семействъ уцѣлѣло только 462, а изъ 1800 Терскихъ казаковъ и изъ новокрещенъ, окоченъ, грузинъ и армянъ не осталось и десятой доли. Донскія семейства, поселенныя въ 3-хъ городкахъ, между вновь заложенною крѣпостью Кизляромъ и гребенскими городками, получили названіе Терскаго семейнаго войска, сохранившаго привиллегіи, дарованныя Аграханскому, а изъ остатковъ Терскихъ казаковъ и разноплеменныхъ командъ Левашевъ образовалъ Кизлярское войско, которому далъ совершенно особый штатъ и положеніе. Съ тѣхъ поръ эти первыя казачьи войска на Кавказѣ уже не покидали въ полномъ составѣ своихъ станицъ и отведенныхъ имъ, но еще долго не отмежеванныхъ, земель.

О внутреннемъ управленіи Гребенскихъ казаковъ не только до Петра Великаго, но и во времена гораздо позднѣйшія почти ни какихъ свѣдѣній несохранилось благодаря пожарамъ, еще въ прошломъ столѣтіи уничтожавшимъ нѣсколько разъ архивъ и дѣла войсковой канцеляріи, почему гребенцамъ приходилось ссылаться на грамоты, дарованныя семейному войску, во всѣхъ случаяхъ когда подымался вопросъ о жалованіи или какихъ либо привиллегіяхъ. Несомнѣнно однакоже, что общественный строй и управленіе Гребенскихъ общинъ были глубоко демократичны, такъ какъ къ началу XIX столѣтія фамилій, выдающихся богатствомъ или происхожденіемъ, на Гребняхъ не было. Не было также и сословной замкнутости, что доказывается, между прочимъ, доношеніемъ войсковаго атамана предсѣдателю Кизлярскаго духовнаго правленія архимандриту Меѳодію 20 Мая 1745 года. Атаманъ говоритъ въ этомъ донесеніи, «а понеже дѣло наше украйное и на имя Ея Императорскаго Величества выходятъ изъ горъ и съ прочихъ мѣстъ изъ плѣ-

ну разныхъ вѣръ люди и принимаютъ вѣру греческаго исповѣданія и оные окрестились и оженились и живутъ у насъ въ Гребенскихъ городкахъ домами, какъ и мы нижайшіе состоимъ, такъ и они служатъ Ея Императорскому Величеству въ вѣрности и получаютъ Ея Императорскаго Величества денежное и хлѣбное жалованье съ нами въ равенствѣ.»

Во внутренній бытъ казаковъ Правительство, кажется, не вмѣшивалось вовсе, предоставляя имъ управляться сперва выборными стариками, судьями и атаманами, а съ Петра Великаго опредѣленными уже штатомъ, но все таки выборными старшинами. Должности по этому штату были положены: войсковыя, а именно: атамана, старшины, есаула, писаря или дьяка, знаменщика и коммисара и станичныя, по числу 5 станицъ: атамана, есаула сотника, писаря и хорунжаго. Казаковъ опредѣлено довольствовать жалованьемъ пятьсотъ, считая въ этомъ числѣ и старшинъ, хотя службою обязаны были всѣ способные носить оружіе, а такихъ, по словамъ Буткова, было болѣе 1500 челов. Жалованье состояло изъ удерживавшагося почти въ одномъ размѣрѣ, въ теченіе всего XVIII столѣтія, довольствія денежнаго, весьма мало разнившагося по должностямъ (рядовой казакъ получалъ 12 руб., войсковой атаманъ 30 руб. въ годъ) и хлѣбнаго, размѣры котораго измѣнялись съ каждымъ царствованіемъ. На тѣхъ же основаніяхъ и тѣми же чинами управлялось и семейное войско, одинъ изъ послѣднихъ выборныхъ атамановъ, котораго, маіоръ Аверьяновъ, въ рапортѣ генералъ-фельдмаршалу Гудовичу 11 Сентября 1807 года, оставилъ объясненіе обязанностей, соединенныхъ съ нѣкорыми изъ должностей.

«Войсковой дьякъ» говоритъ онъ «навсегда при войсковой канцеляріи безотлученъ и никогда въ полевую службу не употребляется, а въ случаѣ всего войска выступленія въ походъ, поручается ему вся внутренность войсковая и селеній равно и кордоны. Знаменщикъ также навсегда при войскѣ и ни съ какими командами въ походъ употребляться не долженъ, развѣ безъ изъятія выступленія всего войска, станичные атаманы навсегда при станицахъ безотлучно» исключеніе составили, ко времени представленія рапорта, атаманы, пожалованные офицерскими чинами, которые употреблялись на полевую службу. До 1761 года даже и должность войсковаго писаря была выборная, но 18 Мая этого года, по ходатайству Терскаго войсковаго атамана Ковалева, военной коллегіи данъ былъ указъ, «вслѣдствіе крайняго безпорядка въ дѣлахъ, происходившаго отъ ежегодной смѣны писаря,» установить подобно другимъ казачьимъ войскамъ и въ семейномъ, вмѣсто писаря, «неперемѣняемаго дьяка, котораго и приводить къ присягѣ.»

О порядкѣ выбора на войсковыя должности можно судить по документамъ, представленнымъ, въ 1803 году, фельдмаршалу графу Гудовичу, по случаю выбора атамана семейнымъ войскомъ. Документы эти заключаются въ отдѣльномъ приговорѣ всѣхъ войсковыхъ чиновъ и въ отдѣльныхъ же приговорахъ, составленныхъ каждою станицею. «Мы ниже подписуемся Бороздинской станицы станичные старшины, служащіе и отставные казаки въ томъ, что даемъ сію подписку Терскаго семейнаго войска, за неможеніемъ Войсковаго Атамана и маіора Миная Аверьяновича, подъ его роднаго сына есаула Ларіона Минаева, быть ему въ семейномъ войскѣ Войсковымъ Атаманомъ.»

Продолжительность службы войсковыхъ атамановъ, до конца прошлаго вѣка, зависѣла отъ рѣшенія казачьихъ обществъ, а потому и характеръ дѣятельности какъ атамановъ, такъ и прочихъ войсковыхъ чиновъ былъ строго исполнительный. Станицы сами рѣшали свои общественныя дѣла и свободно вступали въ договоры и условія съ сосѣдними племенами, не обращаясь даже къ согласію войска. Примѣромъ можетъ служить слѣдующее условіе

«1765 года Іюня 12 дня сія записка заключена Гребенскаго войска, Червленскаго городка станичнаго атамана Стефана Гулаева, сотника Якова Леонтьева, хорунжаго Никиты Федорова и прочихъ старшинъ и казаковъ до Гребенчуковскаго владѣльца Девлетгирея Черкасскаго, Чайка Баташъ Ахлова и прочихъ при немъ узденей въ томъ, что состоитъ опъ съ подвластными своими поселеніемъ въ нашихъ дачахъ у горячихъ водъ жительствомъ и въ томъ мы съ общаго согласія договоръ учинили какъ его подвластнымъ нижеписаннымъ казакамъ никакого воровства ни чинить, такъ и казакамъ его подвластнымъ никакихъ обидъ не чинить, а именно:»

1) Съ Мая мѣсяца до Петрова дня, въ такихъ то мѣстахъ, «безъ дозволенія нашей станицы старшинъ и казаковъ скотъ не пасти и на гребнѣ противъ нашего городка, безъ дозволенія нашей же станицы, не рубить лѣсъ.»

2) «а въ воровствѣ кто явится—наши казаки или его подвластные въ переправѣ отъ насъ на ту сторону и отъ Девлетгирея на нашу сторону, то по усильству ихъ убивать чѣмъ будетъ способно.»

Въ дальнѣйшихъ пунктахъ обусловлены штрафы и притомъ денежные какъ съ казаковъ, такъ и съ чеченцевъ за воровство лѣса, потраву и проч.

Такія же условія заключались вѣроятно и другими станицами каждою особо, такъ какъ впослѣдствіи все войско жаловалось на неисполненіе именно этаго договора чеченцами и просило разрѣшенія на баранту, по прежнему обычаю, для наказанія нарушителей условій.

Въ числѣ дарованныхъ казакамъ привиллегій заключались такія, которыми пользовались всѣ казаки лично для своихъ потребностей, какъ напр. безплатное пользованіе солью и такія, изъ которыхъ извлекались, кромѣ личныхъ, общія выгоды, какъ напр. свободное куреніе вина, рыбныя ловли, земельныя угодья, часть которыхъ сдавалась въ аренду и проч. Для распоряженія такими общими доходными статьями, казаки выбирали особенно уполномоченныхъ лицъ, сдававшихъ земли и другія угодья въ аренду и изъ своей среды назначали повѣренныхъ, для повѣрки дѣятельности уполномоченныхъ. Изъ жалобъ казаковъ разныхъ войскъ, предъявленныхъ въ первые годы текущаго столѣтія, видно, что къ числу такихъ общественныхъ, по ежегодно возобновляемому избранію, должностей принадлежали: должность повѣреннаго или управляющаго войсковыми землями, нарядчика, распредѣлявшаго повинности, на казаковъ падавшія, войсковаго табунщика, наблюдавшаго за общественнымъ табуномъ, надсмотрщиковъ за рыбными ловлями и лѣсами, сборщиковъ доходовъ, слѣдовавшихъ войску съ арендныхъ статей, и наконецъ уполномоченныхъ, для повѣрки отчетностей о расходованіи общественныхъ суммъ, о состояніи которыхъ объявлялось на станичныхъ сборахъ.

Въ незначительномъ числительностью, послѣ троекратнаго переселенія и разноплеменномъ Кизлярскомъ войскѣ, порядки установились нѣсколько иные. Выше было сказано, что генералъ-аншефъ Левашевъ издалъ для войска положеніе и штатъ. Штатомъ этимъ опредѣлено было содержать въ войскѣ маіора—1, ротмистровъ—4, есауловъ—2, сотниковъ—2, хорунжихъ—2, писарей—2, дворянъ—14, мурзъ—6, рядовыхъ казаковъ—100, новокрещенъ—24, окоченъ—18, всего 175 челов. Положеніе, или вѣрнѣе объясненіе, приложенное къ штату, поясняло, между прочимъ, чтобы «въ дворянскій чинъ отнюдь не конфирмовать порочныхъ, безчестно наказанныхъ и безграмотныхъ, понеже назначаются эти дворяне не для одной воинской службы, но для всякихъ нужнѣйшихъ иностранныхъ въ разныя мѣста и къ горскимъ владѣльцамъ и въ Крымъ, и на Кубань, посылокъ.» По объясненію Буткова, дворяне въ Кизлярскомъ войскѣ не составляли сословія, а званіе ихъ было чиномъ, не

передававшимся по наслѣдству. «До Петра Великаго слово дворянинъ не означало вообще шляхетства, а только чинъ и чинъ не высокій.» Изъ этого разряда служащихъ казаковъ, т. е. дворянъ, Левашевъ приказывалъ назначать ротмистровъ и постановилъ общимъ правиломъ, чтобы «тѣхъ, которые службы просить будутъ, не только въ первый, но и въ средній окладъ не вводить, а опредѣлять таковыхъ нововступающихъ въ службу въ нижній окладъ, чтобы ни кто неимѣя чего ожидать, облѣняться не могъ и къ прибавочному жалованью лучше ревность имѣлъ.

Изъ этихъ объясненій ясно, что въ Кизлярскомъ войскѣ преобладали уже сначала XVIII вѣка, а можетъ быть и еще ранѣе, начала, несродныя прочимъ казачьимъ войскамъ: должности не были выборными, пріемъ въ войско, а вѣроятно и исключеніе зависѣло отъ начальниковъ; служебное положеніе находилось въ ихъ-же рукахъ и отчетностью обязаны они были не передъ обществомъ, а передъ избиравшими ихъ начальниками. Первымъ Кизлярскимъ Атаманомъ Левашевъ назначилъ князя Бековича-Черкасскаго.

Особенно важное значеніе въ жизни тогдашнихъ войскъ имѣли Кизлярскіе коменданты, управлявшіе до 1785 года, подъ наблюденіемъ Астраханскихъ губернаторовъ, всею присоединенною къ Имперіи частью Кавказа. Подчиненные въ высшей инстанціи военной коллегіи, казачьи войска получали всѣ ея распоряженія черезъ Коменданта, на него же возлагалась обязанность приводить въ исполненіе приказанія Губернатора, по отношенію къ общему благоустройству, отбыванію подводной и другихъ повинностей, опредѣлять наряды войскъ на службу въ отряды какъ для набѣговъ и наказаній горцевъ, такъ и въ дальніе походы, наряжать конвой для лицъ командируемыхъ на линію, отправлять курьеровъ и проч., они-же давали особыя порученія войскамъ, въ родѣ предписанія, даннаго Гребенскому войску Номинатъ—Полковникомъ Красногородцевымъ въ 1735 году—оказывать покровительство Брагунскимъ владѣльцамъ Мардару и Бамату. Кизлярскіе же коменданты обязаны были надѣлять казаковъ землями и угодіями, а слѣдовательно и разбирать жалобы и споры по имуществу, особенно частые у казаковъ Кизлярскихъ, которымъ коменданты отводили участки не только для пашни и покосовъ, но и подъ дворы и огороды. Въ помощь Коменданту генералъ-аншефъ Левашевъ учредилъ въ Кизлярѣ, для разбора дѣлъ, двѣ канцеляріи—гарнизонную и гражданскую и назначилъ предсѣдателемъ обѣихъ и судьею Тенгинскаго пѣхотнаго полка маіора Гневашева, а членами по 1 поручику и по 1 подпоручику—по выбору полковыхъ офицеровъ; канцеляріи эти дѣйствовали, до учрежденія въ 1785 году намѣстничества, по инструкціи данной Левашевымъ же. Въ инструкціи этой Коменданту, между прочимъ, вмѣнялось въ обязанность «во всѣхъ дѣлахъ, какъ и военный уставъ повелѣваетъ, частые имѣть совѣты и никакого дѣла безъ совѣта штабъ-офицеровъ не начинать, а въ надобномъ случаѣ призывать въ совѣты и капитановъ и поручиковъ».

Правительственное наблюденіе за казаками впрочемъ не могло быть строгимъ, въ особенности за Гребенскими, не одинъ разъ останавливавшими вмѣшательство въ ихъ дѣла сборами къ переселенію за Кубань. Такъ, въ 1745 году, на требованіе Кизлярскаго архимандрита, по распоряженію Астраханской консисторіи, о прекращеніи раскола, старшины войска отвѣчали отказомъ, ссылаясь на то, что дѣло ихъ украйное и оныя налоги люди не стерпятъ—разбредутся, Кизлярскій же Комендантъ тогда же писалъ въ Астраханскую консисторію „неблаговолено-ли будетъ насылкою о томъ указовъ оставить, чтобы тѣмъ ихъ (гребенскихъ казаковъ) наиболѣе не привести въ развращеніе и въ дальные замыслы.“

Много лѣтъ позже, а именно въ 1774 году, командовавшій войсками на Кавказской линіи, генералъ-поручикъ де-Медемъ, имѣвшій главную квартиру въ ст. Щедринской, доносилъ, что подозрѣвая гребенцевъ въ посылкѣ нарочныхъ къ избранному тогда Бесленеевцами и Кабардинцами предводителемъ Казы-Гирей Султану, для пріисканія другихъ мѣстъ къ поселенію, онъ де-Медемъ не нашелъ даже возможнымъ оставлять казаковъ въ отрядѣ, а возвратилъ ихъ въ свои дома.

До 1767 года Кавказскіе казаки пользовались правомъ посылать въ Петербургъ зимовыя и легкія станицы за полученіемъ денежнаго содержанія и для представленія верховной власти просьбъ о своихъ нуждахъ. Станицы снабжались обыкновенно особыми объ этомъ наказами отъ войска. Правомъ этимъ казаки очень дорожили и когда послѣдовало повелѣніе посылать станицы только въ Астрахань и въ Кизляръ—начали усиленно хлопотать о возстановленіи утраченной привиллегіи, чего и удалось имъ достигнуть на нѣкоторое время.

Въ общемъ итогѣ оказывается, что въ этотъ первый періодъ существованія казачьихъ войскъ на Кавказѣ, главнымъ органомъ ихъ внутренняго управленія былъ станичный сборъ, какъ они сами называютъ въ своихъ прошеніяхъ общественныя собранія. Въ сборахъ этихъ участвовали старшины, всѣ служащіе и отставные казаки и вѣроятно большинствомъ голосовъ рѣшали вопросы о дѣлахъ, касавшихся войска, изъ которыхъ главными были выборы и распоряженіе общественнымъ имуществомъ. Должностныя лица и старшины всѣ безъ исключенія, были выборные и отвѣтственные передъ обществомъ, кромѣ впрочемъ Кизлярскаго войска. Первою надъ войсками правительственною инстанціею являлся Кизлярскій комендантъ съ своими двумя канцеляріями, затѣмъ Астраханскій губернаторъ и наконецъ военная коллегія. Отношенія послѣднихъ (губернатора и коллегіи) ограничивались служебными нарядами и отпускомъ жалованья.—

II Періодъ 1770—1860 годы.

Въ 1763 году, проживавшій долгое время въ Россіи и принявшій христіанство, Мало-кабардинскій князь Кургоко Кончокинъ выхлопоталъ повелѣніе устроить крѣпость на Кабардинскихъ земляхъ, въ уроч. Моздокъ, предполагая поселиться тамъ и перевести подъ прикрытіе этой крѣпости, людей ему подвластныхъ. Просьба князя вполнѣ отвѣчала видамъ правительства и въ томъ же 1763 году была заложена крѣпость обширныхъ размѣровъ и снабжена гарнизономъ изъ 2-хъ пѣхотныхъ баталіоновъ съ 40 орудіями, для прислуги при которыхъ переселено съ Дона 100 семействъ сказочныхъ казаковъ. Крѣпость подчинилась вѣдѣнію Кизлярскаго коменданта и такъ какъ сообщеніе съ нею оказалось крайне затруднительнымъ и опаснымъ, то въ 1770 году выдѣлено было, изъ недавно передъ тѣмъ образованнаго Волжскаго войска, 517 семействъ и подъ названіемъ Моздокскаго полка поселено между Моздокомъ и Червленскимъ городкомъ. Четыре года спустя, по Кучукъ-Кайнарджикскому трактату, Кабарда была признана присоединенною къ Россіи, а за Кубанскія горскія племена независимыми. Приходилось принять серьезныя мѣры къ подчиненію Кабарды, давно уже ставшей въ крайне враждебныя къ Россіи отношенія и къ огражденію отъ набѣговъ за Кубанскихъ горцевъ. Свѣтлѣйшій князь Потемкинъ-Таврическій, въ то время Намѣстникъ Азовскій и Астраханскій, подалъ по этому предмету ИМПЕРАТРИЦѢ особый докладъ, въ которомъ объясняя, что пространство степей границы Россійской отъ Моздока до Азова, имѣющее до 500 верстъ, не бывъ прикрыто, подвергается всегда набѣгамъ и грабительствамъ Кубанскихъ татаръ, сдѣлавшихъ крайне опасными земли не только по

берегамъ Кумы, но и далеко за нею лежащія,—указывалъ необходимость обезпечить рубежъ по Тереку и связать его съ Азовомъ, для чего и предложилъ рядъ мѣръ, а въ томъ числѣ и переселеніе казаковъ, на первое время Волгскихъ и Хоперскихъ. 5-го Мая 1776 года докладъ былъ утвержденъ и въ теченіи послѣдовавшихъ затѣмъ двадцати лѣтъ, предположенія Потемкина были осуществлены поселеніемъ на Кавказской линіи четырехъ казачьихъ полковъ: Волгскаго, Хоперскаго, Кавказскаго и Кубанскаго и Черноморскаго войска, составившагося изъ бывшихъ запорожцевъ. Впослѣдствіи линія оказалась недостаточно сильною, горцы безнаказанно прорывались черезъ нее большими партіями, нападали на удаленныя одна отъ другой станицы и иногда овладѣвали ими, уводя жителей въ плѣнъ и угоняя скотъ. Потребовались новыя переселенія для усиленія существовавшихъ уже полковъ и для образованія новыхъ линій, что и продолжалось, какъ выше сказано, до шестидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія.

Прибывавшіе на линію поселенцы въ составѣ полковъ, поступая подъ начальство лицъ, командовавшихъ войсками на линіи, сохраняли не только наименованіе, но и устройство управленія полковое, при чемъ временно, для похода назначенные старшины, удержали за собою свои должности и нѣкоторые, получивъ утвержденіе въ чинахъ по сравненію съ армейскими, немогли уже быть перемѣняемы обществами. При томъ только одному Черноморскому войску была дарована грамота, въ которой точно были указаны границы пожалованной ему земли, перечислены привиллегіи, которыми войску предоставлялось пользоваться и между прочимъ выражено. «Желаемъ чтобы земское управленіе войска, «для лучшаго порядка и благоустройства, соображаемо было съ изданными учрежденіями о «губерніяхъ. Предоставляемъ правительству войсковому расправу и наказаніе впадающихъ «въ погрѣшности въ войскѣ, но важныхъ преступниковъ отсылать для сужденія по зако- «намъ къ Таврическому губернатору.» На этомъ основаніи войско получило, при самомъ поселеніи, собственное управленіе военное и гражданское и дальнѣйшее его развитіе и улучшеніе шло совершенно отдѣльно, до 1860 года, отъ прочихъ Кавказскихъ войскъ. Хозяйственное и гражданское устройство послѣднихъ совпало въ первое время съ устройствомъ занятой вновь территоріи на Кавказѣ, для скорѣйшаго заселенія которой не только казаками, но и крестьянами, Правительство принимало энергическія мѣры и къ 1785 году довело числительность гражданскаго населенія края до 20 т. душъ.

Пространство, занятое какъ этимъ населеніемъ, такъ и казачьими войсками, составило часть Астраханской губерніи и было раздѣлено на 5-ть уѣздовъ, присутственныя мѣста которыхъ расположились преимущественно въ казачьихъ станицахъ и уже по одному этому начали вмѣшиваться въ дѣла ихъ; затѣмъ, когда затруднительность сношеній съ Астраханью побудила въ 1786 году образовать центральное управленіе въ Екатеринодарѣ, подъ именемъ Намѣстничества Кавказскаго, съ подчиненіемъ ему Астраханской губерніи, то Намѣстничество приняло почти въ полное свое завѣдываніе весь домашній бытъ казаковъ. Между первыми поселенцами однакоже открылась чрезвычайная смертность, быстро уменьшившая число ихъ, вмѣстѣ съ набѣгами горцевъ, болѣе чѣмъ на половину. и вслѣдствіе этого, въ 1790 году, управленіе Кавказскимъ краемъ было переведено снова въ Астрахань, но не на долго, такъ какъ испытанныя уже раньше неудобства, происходившія отъ удаленія ея и трудности сообщенія съ нею, побудили въ 1804 году образовать Кавказскую губернію, немедленно, конечно, возобновившую вліяніе бывшаго Намѣстничества на управленіе казаками. Въ 1785 году послѣдовалъ, весьма важный для казаковъ, указъ Императрицы ЕКАТЕРИНЫ объ умноженіи гражданскаго населенія на Кавказской

линіи, для чего указомъ этимъ повелѣно обратить особое вниманіе на оканчивающихъ сроки службы солдатъ и побуждать ихъ къ поселенію; казеннымъ крестьянамъ предоставлено право свободно селиться на избираемыхъ ими мѣстахъ и кромѣ того Намѣстнику разрѣшено раздавать земли въ потомственную собственность желающимъ. Вслѣдствіе этого въ Кавказскомъ краѣ появились громадныя имѣнія князей Всеволожскихъ, Вяземскихъ, Безбородковъ, графовъ Воронцовыхъ, Чернышевыхъ и пр., а такъ какъ станицы подвергались неоднократнымъ переселеніямъ, и въ тоже время шло водвореніе крестьянъ, то хотя княземъ Потемкинымъ и опредѣленъ былъ для казаковъ нормальный душевой надѣлъ (полковымъ командирамъ 300, старшинамъ 60, казакамъ 30 десятинъ,) но ни при немъ (князѣ Потемкинѣ) ни послѣ его казаки этого надѣла неполучили и командовавшіе войсками на линіи и въ Грузіи до 1845 года не переставали свидѣтельствовать во всеподданнѣйшихъ донесеніяхъ, что никакого порядка въ раздачѣ и распредѣленіи земель на Кавказѣ и въ пользованіи ими не существуетъ потому что, какъ говорилъ въ 1820 году генералъ Ермоловъ, распоряжались ими земскіе коммисары, дѣйствовавшіе по произволу и назначавшіе усадьбы новымъ селеніямъ, какъ бы съ намѣреніемъ возродить тяжбы.

Руководствуясь общими законами Имперіи и мало знакомое съ казачьими привиллегіями, на которыя впрочемъ казаки или утратили грамоты или не получили новыхъ при водвореніи, управленіе Намѣстничествомъ, а впослѣдствіи губерніею, не стѣснялось ни правами казаковъ на земли и угодья, ни тѣми льготами, которыми искони пользовались даже и старинныя войска. Права вольной продажи вина и добычи соли были прекращены Намѣстничествомъ, рыбныя ловли и морскіе промыслы, пожалованные казакамъ гребенскимъ, семейнымъ, кизлярскимъ и волжскимъ, отошли въ частную собственность или въ казну; лѣса были объявлены казенными; казачье населеніе стало подвергаться обложенію повинностями не только земскими, натуральными и денежными, но даже сборами на содержаніе полиціи, прекращенными только въ 1839 году по особому постановленію Комитета Министровъ. Ко всему этому, въ видахъ поднятія благосостоянія казаковъ, гражданская администрація начала издавать постановленія объ уходѣ за скотомъ, развитіи шелководства и винодѣлія, обработкѣ марены и проч., поручая надзоръ за исполненіемъ этихъ распоряженій особымъ чиновникамъ и тѣмъ постоянно вмѣшиваясь во внутренній бытъ не только общинъ, но и отдѣльныхъ семей. Въ то же время все усложнявшіяся военныя обстоятельства невольно усиливали въ казачьихъ поселеніяхъ значеніе военныхъ властей и такъ какъ никакого разграниченія правъ и обязанностей ихъ и властей гражданскихъ, по отношенію къ внутреннему устройству войскъ, дѣлаемо не было, то казаки попадали слишкомъ часто въ положенія безвыходныя.

Въ 1791 году командиръ Волгскаго полка, секундъ-маіоръ Страшновъ, не видя конца затрудненіямъ, встрѣченнымъ полкомъ, обратился со всепокорнѣйшимъ прошеніемъ о нуждахъ его,, къ высокоповелительному Екатеринославскихъ и Черноморскихъ казачьихъ войскъ великому гетману князю Потемкину-Таврическому.“

Въ прошеніи перечисляются претерпѣнныя войскомъ изнеможенія: съ самаго переселенія ему небыло отведено ни земли, ни лѣсныхъ угодій, почему казаки ведутъ, съ пришедшими позже ихъ въ Намѣстничество на поселеніе казенными крестьянами, постоянные споры и въ тринадцать лѣтъ могли собрать средства на постройку только одной церкви въ Георгіевскѣ, въ остальныхъ же станицахъ люди умираютъ безъ покаянія. Въ первый годъ по водвореніи казаки подверглись бѣдствіямъ отъ набѣговъ хищныхъ сосѣдей, не могли собрать посѣяннаго хлѣба и въ трехъ станицахъ лишились табуновъ и скота, угнанныхъ

горцами, которые и въ послѣдующіе годы не переставали тревожить новыя поселенія постоянными набѣгами, «отчего семейство волгское исправиться совершенно не можетъ». Войско лишено привиллегій, которыми оно пользовалось на прежнихъ мѣстахъ и обременено повинностями и между ними самую тяжкую составляетъ содержаніе военной и гражданской почты, на что требуется до двухсотъ лошадей. «И хотя прошено было не-«однократно корпусныхъ начальниковъ объ отнесеніи вышеизложенныхъ обстоятельствъ «высокому благоразсмотрѣнію вашей Свѣтлости, но остается и до нынѣ безъ рѣшенія; «отчего волгское семейство доходитъ до раззоренія».

Страшновъ проситъ вслѣдствіе этого объ отмежеваніи земель, о возвратѣ войску права свободнаго выдѣлыванія и продажи вина и права безплатнаго пользованія солью, о привлеченіи къ содержанію почты крестьянъ, укрѣпленіи станицъ и въ одномъ изъ пунктовъ просьбы говоритъ: «какъ Волгское войско, на основаніи Высочайшихъ грамотъ, на прежнемъ поселеніи состояло подъ дирекціею государственной военной коллегіи и зависѣло отъ одного военнаго начальства по всѣмъ распоряженіямъ, о чемъ и нынѣ всенижайше просимъ, дабы земское начальство не входило ни въ какія управленія по поселенію, къ соблюденію лучшаго по службѣ порядка.» Ту же просьбу мы встрѣчаемъ впослѣдствіи у Кубанскихъ и другихъ казаковъ, обращающихся къ «верховному начальству «за позволеніемъ пользоваться землями свободно, съ отдѣленіемъ насъ отъ гражданской «зависимости и ея повинностей, находясь подъ заведеніемъ одного воинскаго начальства.»

Въ прошеніи къ князю Потемкину, 17 Іюня 1791 года, Страшновъ жалуется, что повѣренный графа Чернышева прапорщикъ Головачевъ объявилъ, что вся земля ниже Георгіевска до Кумы, съ лѣсомъ и угодіями, отмежевана Графу «изъ чего за отводомъ «прежде другимъ помѣщикамъ и государственнымъ крестьянамъ Георгіевская станица «остается не только безъ земли, но и заведенныя съ крайнею трудностью мельницы, сады «и огороды должны отойти отъ старшинъ и казаковъ.»

Въ 1798 году въ управленіе войсками, сосредоточенными на Кавказской линіи, съ званіемъ Инспектора Кавказской инспекціи, вступилъ генералъ-лейтенантъ Марковъ, пожелавшій ознакомиться, между прочимъ, съ положеніемъ казачьихъ войскъ и потребовавшій отъ нихъ свѣдѣній какъ объ ихъ правахъ и привиллегіяхъ, такъ и объ ихъ нуждахъ.

Изъ нѣсколькихъ поданныхъ по этому поводу казаками и сохранившихся въ дѣлахъ окружнаго архива заявленій видно, что Гребенское войско воспользовалось представившимся случаемъ, для ходатайства о возвратѣ правъ на безплатное пользованіе солью, уничтоженіе въ станицахъ откупа, въ силу котораго воспрещалось продавать и собственный чихирь, объ отмѣнѣ запрещенія преслѣдовать хищниковъ, о разрѣшеніи «съ оными зарѣчными жителями управляться по прежнимъ обрядамъ, о разграниченіи съ сосѣдями и объ уменьшеніи почтовой повинности и проч. «Рыбу, говорятъ гребенцы» мы ловили ниже Кизляра вольно, а нынѣ тѣ мѣста армяне, грузины, окочены, татары и прочіе разобрали по себѣ, отчего мы претерпѣваемъ крайнюю нужду.»

Семейное войско, повторяя тѣ же жалобы, говоритъ: «Кизлярскіе промышленники захватили пожалованныя войску рыбныя ловли и взимаютъ съ казаковъ $^1/_5$ часть улова. Морскія же воды состоятъ на откупу.»

Въ заявленіи отъ Волжскаго войска, кромѣ повторенія приведенныхъ выше просьбъ, предъявленныхъ князю Потемкину, встрѣчаются жалобы, что казаками «не получено даже и того, чтобы было отведено въ извѣстную собственность надобное число земли съ лѣсомъ» и что лишась всѣхъ привиллегій, какими они пользовались на Волгѣ, а въ томъ числѣ

даже и положеннаго имъ окладнаго жалованья и денегъ на зимовыя и легкія станицы, они терпятъ не отъ однихъ горцевъ, но и отъ гражданскихъ и другихъ поселенцевъ, которые занимаютъ ближайшія и лучшія къ станицамъ земли и стѣсняя казаковъ, лишаютъ ихъ всѣхъ почти обыкновенныхъ и самонужныхъ выгодъ. Справедливость всѣхъ этихъ жалобъ была подтверждена впослѣдствіи генераломъ отъ инфантеріи Ртищевымъ, который во всеподданнѣйшемъ докладѣ 15 Марта 1812 года доносилъ, о полномъ безпорядкѣ, царствующемъ въ дѣлѣ обезпеченія казаковъ землями и ходатайствовалъ о возвратѣ лѣсовъ казакамъ, указывая на то, что они охраняли ихъ съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ принявшее эти лѣса въ свое вѣдѣніе лѣсное управленіе.

Секундъ-Маіоръ Страшновъ, въ приведенномъ заявленіи генералу Маркову, указывалъ между прочимъ и на невозможность управлять дѣлами полка съ помощью той только канцеляріи, которая имѣетъ значеніе учрежденія временнаго, установленнаго для походной, исключительно строевой службы, и прилагаетъ при этомъ какъ образецъ для устройства управленія, грамату Волгскому войску Императрицы ЕКАТЕРИНЫ II, данную въ 1771 году.

Въ грамотѣ этой объяснено, что Атаманъ Персидской проситъ: «для управленія войскомъ и всего общественнаго ихъ суда и расправы быть, такъ какъ и нынѣ онъ Персидской находится главнымъ командиромъ и при немъ 4 войсковымъ старшинамъ не перемѣнными и 2 войсковымъ есауламъ, а для исправленія въ войсковой канцеляріи всѣхъ письменныхъ дѣлъ — одному войсковому дьяку и 4 писарямъ, почему и долженъ тотъ войсковой атаманъ съ тѣми опредѣленными войсковыми старшинами, въ присутствіи войсковой канцеляріи, каждый день быть и всѣ вступающія письменныя дѣла и всякія словесныя жалобы и прошенія общимъ присутствіемъ тотчасъ разсматривать по справедливости и рѣшенія чинить какъ наискорѣе возможно, маловажныя записывая въ книгу, а прочія приговорами за подписаніемъ всѣхъ оныхъ присутствующихъ и дьяка, дабы впредь никакого въ дѣлахъ помѣшательства и упущенія, а отъ челобитчиковъ въ нескоромъ или несправедливомъ якобы рѣшеніи напрасныхъ жалобъ происходитъ немогло.

«При каждомъ казацкомъ поселеніи, т. е. въ 6 мѣстахъ при станицахъ, опредѣлять по выбору общественному, съ перемѣною погодно по одному станичному атаману для исправленія всѣхъ тѣхъ дѣлъ, которыя ему отъ войсковой канцеляріи повелится исполнять и при нихъ, для случающихся посылокъ, быть по два станичныхъ старшинъ, по есаулу и по 1 писарю и по 2 канониpовъ, такъ какъ и нынѣ оные находятся.

«А когда изъ онаго войска для отправленія службы командированы будутъ казацкія команды, тогда при оныхъ повелѣно-бы быть, такъ какъ и до нынѣ по казачьему обыкновенію бываетъ, походнымъ атаманамъ изъ старшинъ по очереди, такожъ есауламъ, сотникамъ, хорунжимъ, квартермистрамъ, писарямъ.»

Указъ утверждаетъ ходатайство Персидскаго и повелѣваетъ руководствоваться въ управленіи войскомъ изложенными началами. Страшнову неудалось однакоже достигнуть исполненія этой просьбы объ учрежденіи управленія и много еще лѣтъ послѣ этой попытки полками Кавказской линіи продолжали управлять ихъ командиры, съ помощью обыкновенныхъ полковыхъ канцелярій, не имѣя ни опредѣленнаго для нихъ штата, ни какихъ-бы то ни было положеній и инструкцій и постоянно сталкиваясь съ властями гражданскими, съ которыми, къ невыгодѣ казаковъ, были далеко неровноправны по служебному положенію.

Прошло около двадцати лѣтъ, послѣ поданныхъ генералу Маркову заявленій и когда въ командованіе войсками на Кавказѣ вступилъ генералъ отъ артиллеріи А. П. Ермоловъ и въ свою очередь пожелалъ ознакомиться съ бытомъ и нуждами казаковъ, то ко-

мандированному имъ съ этою цѣлью генералъ-маіору Савельеву, Моздокскіе казаки представили разсказъ, настолько ярко и полно изображающій положеніе казачьяго населенія всей тогдашней линіи, положеніе въ которомъ оно оставалось до сороковыхъ годовъ, что разсказъ этотъ нельзя не привести въ дословномъ почти изложеніи.

«Въ 1770 году, пишутъ Моздокцы, полку повелѣно переселиться на Моздокскую линію, съ подтвержденіемъ привиллегій, дарованныхъ Волгскому войску въ 1734.»

«По прибытіи на линію рогатый скотъ почти безъ остатку палъ и едва только успѣли устроить селенія, какъ нашедшею въ первую Турецкую войну 18/т. силою Кабардинскихъ и другихъ горскихъ народовъ три станицы: Галюгаевская, Ищерская, Мекенская со всѣми заведеніями преданы огню, многіе люди убиты и увлечены въ плѣнъ. Послѣ такого чувствительнаго раззоренія разные бунты горскихъ народовъ и нападенія на здѣшнія окраины не дали казакамъ времени исправить убытки, какъ они уже потерпѣли новое раззореніе отгономъ скота и увлеченіемъ въ плѣнъ многихъ семействъ. Для усмиренія и приведенія въ повиновеніе горцевъ, полкъ былъ въ безпрестанныхъ движеніяхъ, а отставные и малолѣтки защищали селенія, какую службу и теперь несутъ. Пользовались прежде одинаково съ прочими войсками продажею вина, солью, лѣсомъ, землею до Терека и Кумы, первой запольной рѣки, рыбными ловлями на Терекѣ и въ морѣ, нефтью. Нынѣ все измѣнилось. Вино по открытіи въ 1786 году Кавказскаго Намѣстничества, отдано въ откупъ, учреждены питейные дома, отчего пресѣклись полковые доходы. Соль отошла въ казенное вѣдомство и отпускается изъ удаленныхъ отъ станицъ магазиновъ въ Моздокѣ и Кизлярѣ, въ которыхъ нерѣдко не имѣется запасовъ достаточнаго количества и прибывающіе съ подводами казаки возвращаются обратно за 50 и 130 верстъ. Дороги же не безопасны отъ хищниковъ. Рыболовныя мѣста поступили во владѣніе помѣщика Всеволожскаго и разныхъ Кизлярскихъ обывателей. Въ Терекѣ запрещено, по установленіи карантинной линіи, ловить рыбу на правомъ берегу. Черная нефть изъ вольной продажи сторонними людьми, Моздокскими армянами, присвоена въ однѣ руки и продается дорогою цѣною.

«Строевыхъ казаковъ отъ полка положено имѣть тысячу человѣкъ, которые и находятся на постоянной службѣ. Отставные и малолѣтки, вслѣдствіе частыхъ нападеній хищниковъ, употребляются на посты по кордону, въ секретные караулы, разъѣзды и походы къ почтовымъ станціямъ, въ конвой для препровожденія почтъ, эстафеть и проѣзжающихъ,—на своемъ содержаніи. Они же отправляютъ подводную повинность, содержатъ наравнѣ съ крестьянами почту и почтарей; употребляются по волѣ дивизіоннаго командира на казенныя работы въ Георгіевскѣ и въ Константиновскомъ редутѣ.

«Полкъ имѣетъ на полномъ содержаніи 6 орудій со всею упряжью и принадлежностью. На покупку 42 лошадей дано 840 руб., стоили же они 2705 р.

«Въ 3-хъ станицахъ выстроены больничныя избы, съ нужнымъ на 6 человѣкъ одѣяніемъ и другими потребностями. На уплату за все это, по неимѣнію доходовъ полковыхъ, производятся подушные сборы: Вслѣдствіе раскомандированія служащихъ и отставныхъ казаковъ въ станицахъ остаются одни престарѣлые и калеки; чеченцы, зная это и зная также, что преслѣдованіе за Терекъ воспрещено, усилили набѣги, собираясь большими партіями и свободно проѣзжая по землямъ мирныхъ деревень, прорываются черезъ кордонъ и причиняютъ убійство и плѣнъ людямъ и захватъ рогатому скоту на хлѣбопахатныхъ и ближайшихъ къ Тереку мѣстахъ. Баранта запрещена, а потому остается выкупать плѣнныхъ за деньги, за великія суммы, что приводитъ нѣкоторыхъ въ совершенную нищету, а другихъ заставляетъ закладываться на многіе годы въ работники.

«Такая дерзость хищниковъ и несчастное свойство земель заставили для скотоводства и хлѣбопашества удалиться въ степь, дабы тамъ имѣть спокойное земледѣліе не для избытковъ, но единственно для содержанія семействъ и поддержанія себя и дѣтей въ исправности, но и въ сей сторонѣ не обрѣли спокойнаго обитанія: съ одной стороны жители гор. Моздока разныхъ національностей на нашей землѣ заселили хутора, распахали землю, производятъ сѣнокосъ и утѣсняютъ наше скотоводство и земледѣліе, съ другой Каранагайскіе народы не только стѣсняютъ хлѣбопашество, но на заведенныхъ хуторахъ причиняютъ разныя обиды: воруютъ скотъ, жгутъ въ одоньяхъ хлѣба, вытравливаютъ и вытаптываютъ оныя скотомъ своимъ, бродящимъ безъ присмотра, не щадя ни сѣна, ни соломы, съ нуждою нами заготовляемой для скота на зимнее время и совершенно вытравливаютъ подножный кормъ не только между хуторами, но и близъ станицъ. Какъ они, такъ и Моздокскіе жители привоиваютъ себѣ землю, которою мы владѣли 46 лѣтъ. Лѣсныя угодья по дистанціи полковой, по содержанію лѣсныхъ узаконеній, вырубать намъ на собственную необходимость, для построенія домашнихъ заведеній и приготовленія пищи, совсѣмъ запрещено. Лѣсъ праваго берега оставленъ чеченскимъ селеніямъ. Постояльцы (квартирующія войска) для отопленія квартиръ разбираютъ строенія и огороды, а для чеченскихъ аманатовъ употребляютъ нерѣдко дѣловой лѣсъ, безъ всякой платы.„

Къ разсказу этому и приведеннымъ выше заявленіямъ Волгскихъ, Гребенскихъ и другихъ казаковъ остается прибавить не многое для того, чтобы возстановить насколько возможно, полную картину ихъ быта въ первой половинѣ настоящаго столѣтія.

Съ развитіемъ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ и съ увеличивавшеюся съ каждымъ годомъ необходимостью дисциплинировать казачьи общины, начало постепенно уничтожаться и ихъ самоуправленіе. Вновь переселяемые полки, какъ уже сказано было выше, прибывали на линію со старшинами, пожалованными офицерскими чинами въ званіяхъ, утвержденныхъ высшею властью и слѣдовательно уже не смѣняемыми по желанію обществъ. Въ старыхъ войскахъ съ 1801 года приказано было командовавшимъ войсками на Кавказѣ и въ Грузіи генераломъ Кнорринтомъ 2-мъ доносить безотлагательно о всѣхъ открывающихся вакансіяхъ и представлять для замѣщенія ихъ лицъ, имѣющихъ на то право по старшинству или особымъ достоинствамъ. Распоряженіе это не могло не вызвать неудовольствія и въ 1806 году семейное войско, недовольное своимъ атаманомъ, въ числѣ принесенныхъ на него жалобъ упоминаетъ о представленіи имъ къ назначенію станичнымъ атаманомъ есаула Старченкова, который 2 раза былъ подъ слѣдствіемъ, 2 раза арестованъ „да и станица Каргалинская за чиненныя имъ неоднократныя буйства просила отъ командованія станицею отрѣшить.»

Старшины, получившіе офицерскіе чины по мѣстамъ ими занимаемымъ, или за военныя отличія, пріобрѣтали права дворянства и выдѣляясь изъ числа прочихъ станичниковъ возбуждали ропотъ и жалобы на захватъ общественныхъ угодій въ свою пользу, на безотчетность въ распоряженіи войсковыми или полковыми доходами и на нарушеніе правъ общества по привиллегіямъ, имъ дарованнымъ. Въ порядкѣ дисциплинарномъ такія жалобы признавались нарушеніемъ основныхъ началъ воинскаго устройства и жалобщики платились суровыми наказаніями. Такъ поступилъ, въ 1815 году, генералъ-маіоръ Дель-Поцо, арестовавшій выборныхъ отъ Кизлярскаго войска офицеровъ, жаловавшихся на злоупотребленія своего командира и наказавшій палками, уполномоченныхъ отъ общества для той же жалобы, урядниковъ и казаковъ.

Желаніе Волгскаго полка доказать права свои на распоряженіе войсковыми доходами, безъ вмѣшательства высшихъ властей, выраженное двумя избранными на станичныхъ сбо-

рахъ депутатами, вызвало въ 1816 году приказъ по 19-й пѣхотной дивизіи, того-же генералъ-маіора Дель- Поцо, въ которомъ онъ говоритъ ,,При многихъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ, скрывавшихся въ здѣшнихъ линейныхъ казачьихъ поселенныхъ полкахъ, коихъ истребленіе я возложилъ на собственную свою заботливость, никакъ не могъ ожидать толь глупаго по смыслу, дерзкаго въ отношеніи къ начальству и вреднаго для общества безпорядка, каковъ оказался въ Волгскомъ полку'' Офицеры, заявившіе о правахъ общества по ревизіи общественныхъ доходовъ, были преданы суду и войско подчинилось требованіямъ присланнаго генераломъ Дель-Поцо слѣдователя.

Такими мѣрами казаки были скоро отъучены отъ самоуправленія и взамѣнъ оставленныхъ обычаевъ появились сначала инструкціи, издаваемыя командирами полковъ и начальниками линіи, а затѣмъ положенія, подвергающіяся и донынѣ разработкѣ непрерывныхъ коммисій.

Чинами старшины казаковъ пользовались дѣйствительными и за урядъ. Первыхъ было весьма немного. Въ послѣдніе же, установленные Высочайшимъ повелѣніемъ 14 Февраля 1775 года и предоставлявшіе право ношенія на службѣ офицерскихъ отличій, казаки производились на вакансіи инспекторами войскъ Кавказской инспекціи, а затѣмъ командовавшими войсками въ краѣ. Такъ какъ въ нѣкоторыхъ войскахъ, а въ томъ числѣ и въ Черноморскомъ, офицеры за урядъ получили сравненіе въ правахъ съ чинами армейскими, то Инспекторскій Департаментъ, въ 1819 году, просилъ заключенія генерала Ермолова, не слѣдуетъ ли распространить эту мѣру и на остальныя войска; но генералъ Ермоловъ не только не призналъ возможнымъ предоставлять казакамъ права на дѣйствительные чины ,,ибо они по совершенному своему невѣжеству'' ихъ не заслуживаютъ,—но нашелъ, что нѣтъ нужды изъ среды казаковъ избирать и войсковыхъ атамановъ,, ибо къ желаемому порядку скорѣе привесть можетъ войско не тотъ начальникъ коего выгоды общія съ подчиненными ему и на котораго по равному съ ними происхожденію (разумѣя о казакахъ собственно) всѣ связи родства и дружбы имѣютъ сильное вліяніе.'' Мнѣніе это было Высочайше одобрено и съ тѣхъ поръ должности командировъ казачьихъ полковъ и атамановъ были замѣщаемы штабъ-офицерами регулярныхъ войскъ, для которыхъ былъ назначенъ и особый окладъ содержанія (въ 1823 году.) Вслѣдъ затѣмъ были упразднены всѣ выборные войсковые и станичные чины, а въ 1830 году уничтожено и самое званіе станичнаго атамана, замѣненное званіемъ начальника станицы. Около того же времени войско Гребенское и семейное, послѣднее по соединеніи съ Кизлярскимъ, переименованы въ полки.

Въ приведенныхъ выше жалобахъ и заявленіяхъ казаковъ выражается достаточно ясно полная неопредѣленность отношеній полковыхъ властей къ постороннему имъ гражданскому вѣдомству. Въ военномъ же отношеніи, полки казачьи подчинялись безъусловно лицамъ, управлявшимъ военною частью на линіи и носившимъ наименованія: командующихъ войсками, инспекторовъ Кавказской инспекціи, командировъ и начальниковъ дивизіи, въ составъ которой входили всѣ дѣйствовавшія на линіи войска и пр. Высшее завѣдываніе казаками принадлежало командовавшимъ Кавказскимъ отдѣльнымъ корпусомъ и черезъ нихъ Военной Коллегіи, а впослѣдствіи замѣнившему ея Военному Министру, по Департаменту военныхъ поселеній.

Занятые военными операціями и многосложными обязанностями по управленію всѣми войсками края и покоряемымъ населеніемъ командующіе войсками на линіи не могли, конечно, удѣлять ни времени, ни вниманія и заботъ своихъ на устройство внутренняго управленія казачьихъ станицъ и полковъ и, предоставляя это полковымъ командирамъ, ограничивались требованіями отъ казаковъ службы въ отрядахъ и на кордонахъ, на которую, какъ

мы видѣли, выходило все способное носить оружіе населеніе. Устраивая военную часть и обязывая казаковъ содержать на свой счетъ артиллерію, лазареты, укрѣплять станицы и пр., командующіе войсками пользовались этими казаками и какъ безплатной рабочей силой, высылая ихъ, съ подводами и безъ нихъ, на постройку укрѣпленій, входившихъ въ систему обороны края и въ то же время, въ силу неотвратимой необходимости, требовали исполненія всѣхъ земскихъ повинностей, въ то время тѣмъ болѣе тяжкихъ, что государственной почты вовсе не существовало и вся почти тяжесть содержанія станцій, отвода квартиръ войскамъ и поддержанія сообщеній ложилась на станицы, такъ какъ крестьянскія селенія лежали внѣ единственнаго пути движенія войскъ. Рядомъ съ этою сильною и требовательною властью, въ томъ же раіонѣ дѣйствовала со всѣмъ съ нею не разграниченная власть губернатора Кавказской губерніи, опиравшаяся на общій для всей Имперіи законъ. Подчиненные за военныя и уголовныя преступленія суду военному, для котораго въ каждомъ полку существовали военно-судныя коммисіи, казаки по всѣмъ гражданскимъ дѣламъ, искамъ и тяжбамъ вѣдались общими губернскими установленіями, гдѣ съ 32 г. имѣли и своихъ засѣдателей. Общія же учрежденія распоряжались казачьими землями и угодіями, устраивая ихъ не всегда удачно, какъ это видно изъ приведеннаго выше свидѣтельства генерала Ртищева и въ отправленіи земскихъ повинностей опредѣляли размѣръ падающихъ на крестьянскія и казачьи общины. Естественно, что между этими двумя властями происходилъ непрерывный рядъ столкновеній, которыя Кавказскій губернаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Малинскій, въ 1814 году, характеризовалъ слѣдующимъ напримѣръ заявленіемъ, въ объясненіи о встрѣчаемыхъ имъ затрудненіяхъ по управленію губерніею. «Здѣсь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ власть полиціи перемѣшана съ зависимостью отъ военнаго начальства, какъ напр. въ Моздокѣ нѣтъ городничаго, а управляетъ комендантъ, гражданскому начальству не подчиненный и потому во всемъ должно успѣвать одними по вторепіями, кои не всегда уважаются. Взыскать съ него нѣтъ средствъ, а за все жаловаться скучно. . .

«Во все пространство Кавказской губерніи состоитъ одна большая дорога, по которой проходятъ всѣ войска, учреждены почты и слѣдуютъ всѣ проѣзжающіе. . . но на сей дорогѣ живутъ не одни обыватели, а пересѣкаютъ оную и казаки своими станицами, гражданскому вѣдомству не подчиненные, составляя тѣмъ черезполосное владѣніе, разнымъ начальникамъ подвѣдомственное.»

Въ 1808 году потребовалось изданіе особаго Высочайшаго указа, который обязывалъ Командующаго войсками на линіи и гражданскаго губернатора содѣйствовать во всемъ другъ другу, по несогласія между властями этими, увеличиваясь съ каждымъ годомъ, вызвали наконецъ, въ 1822 году, соединеніе обоихъ управленій въ лицѣ военнаго начальника области, но съ оставленіемъ въ подчиненіи разнымъ министерствамъ. Часто отсутствуя, однакоже, по дѣламъ военнымъ, онъ не могъ лично руководить занятіями областнаго правленія и палатъ и потому положеніемъ о Кавказской губерніи 1827 года, начальнику области приданъ былъ помощникъ, который хотя и долженъ былъ быть избираемъ изъ военныхъ чиновъ, но генералъ Вельяминовъ въ 1832 году заявлялъ, что въ дѣйствительности этого исполняемо никогда небыло и предсѣдателями областнаго правленія оставались гражданскіе чиновники. Незначительная числительность гражданскаго населенія и многочисленность, дорого стоющихъ и видимо не соотвѣтствовавшихъ мѣстнымъ условіямъ, учрежденій гражданскихъ не одинъ разъ вызывала проекты совершеннаго упраздненія этихъ учрежденій и замѣны ихъ военными: такъ, князь Паскевичъ, какъ видно изъ всеподдан-

нѣйшаго рапорта генерала отъ инфантеріи барона Розена, полагалъ необходимымъ обратить въ казачье сословіе всѣхъ казенныхъ крестьянъ Кавказской области, подчинивъ ихъ одному военному управленію и Военный Министръ, соглашаясь съ этимъ, исходатайствовалъ, въ видѣ приступа къ дѣлу, Высочайшее повелѣніе объ обращеніи въ казаки 32-хъ поселеній Ставропольской губерніи. Въ 1834 году, послѣдовало новое преобразованіе Кавказской губерніи, по которому гражданская власть была отдѣлена отъ военной, а въ 1836 году баронъ Розенъ, указывая вновь на недостатки и дороговизну гражданскаго управленія областью, вспоминаетъ ходатайство своего предмѣстника объ обращеніи всѣхъ казенныхъ поселянъ въ казаки и образованіи общаго военнаго управленія, указывая при этомъ, что совмѣстное существованіе въ области двухъ равноправныхъ властей—военной и гражданской—неизбѣжно порождаетъ многія затрудненія. Ходатайствуя объ упраздненіи гражданскаго управленія «безполезнаго для края и тягостнаго для казны,» Баронъ настаиваетъ на скорѣйшемъ учрежденіи одного общаго военнаго для цѣлой области, подобнаго Донскому и Черноморскому. «Съ умноженіемъ количества линейныхъ казаковъ, учрежденіе сіе сдѣлалось необходимымъ и потому что разбирательство дѣлъ между ними зависитъ нынѣ отъ командующихъ ими офицеровъ и полковыхъ командировъ, которые могутъ иногда дѣйствовать или пристрастно или ошибочно, неимѣя ни законовъ, ни особенной инструкціи, ограничивающей власть ихъ.» Между тѣмъ, въ видахъ осуществленія проекта князя Варшавскаго, еще въ 1832 году, принята была другая мѣра, кромѣ упомянутой выше, а именно: всѣ 9 казачьихъ полковъ, поселенныхъ на линіи, Высочайшимъ приказомъ 25-го Іюня, соединены въ одно войско, наименованное Кавказскимъ Линейнымъ казачьимъ и для управленія имъ, подъ наблюденіемъ командующаго войсками на линіи, назначенъ наказный атаманъ, но при немъ ни канцеляріи, ни какого либо другаго учрежденія образовано не было, а также не издано было никакихъ правилъ и положеній для управленія. Учрежденіе этой должности не улучшило, слѣдовательно, ни мало устройства внутренняго казачьяго управленія, но принесло, по крайней мѣрѣ, ту пользу, что хотя нѣсколько объединило войско, поставивъ во главѣ его лицо, обязанное заботами исключительно о немъ и устранило непосредственныя столкновенія полковъ съ гражданскими властями.

Недостатокъ общихъ учрежденій для казачьихъ войскъ и полковъ былъ сознаваемъ почти всѣми главными начальниками края и еще съ прошлаго столѣтія озабочивалъ ихъ. Такъ еще княземъ Потемкинымъ, при заселеніи линіи предположено было «всѣ подъ разнымъ названіемъ состоящія на линіи войска соединить въ одинъ корпусъ по примѣру прочихъ иррегулярныхъ войскъ,» чего однако же исполнено не было. Въ 1810 году Военный Министръ потребовавъ, отъ командовавшаго корпусомъ генерала отъ инфантеріи Тормасова, свѣдѣніе о составѣ и устройствѣ казачьихъ войскъ, высказалъ при этомъ предположеніе о необходимости соединить всѣ войска подъ одно управленіе войсковой канцеляріи и атамана, назначеніе коего зависѣть будетъ отъ Высочайшей воли. Въ отвѣтъ на это, командовавшій 19 дивизіею и всѣми войсками на линіи, генералъ-лейтенантъ Булгаковъ, доносилъ генералу Тормасову, что разнообразные штаты казачьихъ войскъ должны быть уничтожены и взамѣнъ ихъ «слѣдуетъ составить одинъ общій, подъ которой соединены были-бы всѣ раздробленныя части, въ составъ цѣлаго входящія.» Для этого потребовалось-бы однаже переселеніе многихъ станицъ, измѣненіе состава полковъ, соединеніе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ войскъ и пр. мѣры, затруднительность исполненія которыхъ замедлила осуществленіе проекта. Генералъ Ермоловъ, ознакомившись съ положеніемъ Кавказскихъ

войскъ, прежде всего обратилъ вниманіе на Черноморское и занялся составленіемъ для него новаго положенія, о Линейномъ же, въ Іюнѣ 1824 года, всеподданнѣйше доносилъ, что «казачьи войска, на Кавказской линіи поселенныя, состоя изъ отдѣльныхъ полковъ, управляемыхъ независимо одинъ отъ другаго, безъ всякаго единства и общаго порядка, имѣютъ весьма многія недостатки по внутреннему управленію и по сему полагаю соединить ихъ въ одно общее управленіе, учредивъ для этого военную канцелярію, подъ предсѣдательствомъ войсковаго атамана». Вслѣдъ затѣмъ въ 1828 году Командовавшій войсками на Кавказской линіи, генералъ отъ кавалеріи Эммануель донесъ графу Паскевичу, что Кавказскія войска, «со времени переселенія на линію и разнообразнаго и не единовременнаго сформированія, неимѣютъ ни опредѣленнаго состава, ни положительныхъ довольствій отъ казны. Офицеры казачьи вовсе лишены способовъ къ безбѣдному содержанію, получая жалованье наравнѣ почти съ нижними чинами и между этими офицерами есть много такихъ, которые однимъ пронырствомъ пріобрѣли это званіе, не имѣя впрочемъ ни какихъ достоинствъ и продолжая служить до глубокой старости, преграждаютъ путь другимъ, почему и полезно-бы было назначить и офицерамъ 25-ти лѣтній срокъ службы.» Къ этому донесенію были приложены и штаты, проектированные для полковъ.

Въ 1830 году генералъ-адъютантъ графъ Паскевичъ во всеподданнѣйшемъ донесеніи ходатайствовалъ объ устройствѣ общаго управленія казачьими войсками на основаніяхъ, принятыхъ для кавалерійскихъ поселеній, но Императоръ НИКОЛАЙ I не одобрилъ этого предположенія «поелику образъ принятый въ Россіи для военнаго поселенія кавалеріи не можетъ быть вовсе примѣненъ для линейныхъ казачьихъ войскъ» и повелѣлъ образовать Комитетъ, для составленія особаго о нихъ положенія.

Дѣло это было поручено генералу отъ кавалеріи Эммануелю и въ 1832 году, состоявшій подъ его предсѣдательствомъ Комитетъ, первый работавшій надъ изданіемъ положеній для линейныхъ казаковъ, представилъ, къ сожалѣнію не уцѣлевшіе въ окружномъ архивѣ, проекты военнаго, гражданскаго и общественнаго казачьяго управленія. Замѣстившій графа Паскевича генералъ-адъютантъ баронъ Розенъ пожелалъ имѣть мнѣніе о нихъ генералъ-лейтенанта Вельяминова, принявшаго должность Командующаго войсками на линіи и по представленію послѣдняго, въ виду неудовлетворительности проектовъ, въ Ставрополѣ, въ томъ же 1832 году, былъ учрежденъ новый Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-маіора Верзилина, только что назначеннаго на вновь учрежденную должность наказнаго атамана Кавказскаго линейнаго войска. Генералу Вельяминову, принимавшему горячее участіе въ первыхъ работахъ Комитета, походы и болѣзнь помѣшали руководить до конца его занятіями; затѣмъ они повидимому, со всемъ пріостановились, а по прошествіи 6-ти лѣтъ, послѣ многихъ настояній со стороны Военнаго Министра, графъ Граббе, командовавшій войсками на линіи въ 1838 году, донесъ о необходимости образовать новый Комитетъ, рекомендуя предсѣдателемъ наказнаго атамана, генералъ-маіора Николаева. Въ отвѣтъ на представленіе объ этомъ, Государь Императоръ повелѣлъ: предсѣдателемъ Комитета назначить состоявшаго по артиллеріи генералъ-маіора Халанскаго. Халанскій, въ 1839 году, представилъ на Высочайшее воззрѣніе выработанную Комитетомъ программу и лично отъ себя записку, въ которой повторяя доводы князя Варшавскаго и барона Розена, указывалъ на дорого стоющее и многосложное гражданское управленіе Кавказскою областью и выражалъ убѣжденіе въ необходимости, для пользы Государства, обратить въ казачье сословіе все гражданское населеніе области. Мнѣніе это было передано на заключеніе Кавказскаго началь-

Библиотека Ростов н-Д. им. К. Маркса

ства и встрѣтило горячаго противника въ лицѣ Командовавшаго войсками на линіи графа Граббе, доказывавшаго, что казачьи войска могутъ быть терпимы только какъ необходимое зло и что Правительство должно стремиться къ уменьшенію этого разряда населенія и подведенію его подъ общія государственныя установленія. Вѣроятно потому проектъ Халанскаго былъ оставленъ и въ 1840 году самъ онъ уволенъ въ отставку. Комитетъ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-маіора Бибикова 2, могъ окончить только къ 1843 году работу, начатую болѣе 10 лѣтъ назадъ.

Проекты комитета удостоились утвержденія въ 1845 году, когда и объявлены подъ наименованіемъ положенія о Кавказскомъ линейномъ казачьемъ войскѣ.

Изъ указаній, преподанныхъ въ руководство комитету, нельзя не упомянуть послѣдовавшаго въ 1838 году предписанія Инспекторскаго департамента, предложившаго установить положеніемъ: 1) чтобы командиры полковъ назначались постоянно изъ штабъ-офицеровъ регулярной кавалеріи; допуская исключеніе только для тѣхъ казаковъ, которые окончатъ образованіе въ кадетскихъ корпусахъ; 2) чины за урядъ сравнять съ дѣйствительными; 3) устроить при каждомъ полку школы, по примѣру баталіоновъ военныхъ кантонистовъ и пр. Затѣмъ Императоръ НИКОЛАЙ I, разсмотрѣвъ выработанную комитетомъ программу, собственноручною резолюціею на докладѣ о ней повелѣлъ: присвоить казачьему населенію на Кавказѣ наименованіе Кавказскаго казачьяго войска, опредѣлилъ строевой составъ его, указалъ уровнять населеніе полковъ сообразно съ одинаковымъ для каждаго штатнымъ составомъ, при чемъ для увеличенія населенія, находилъ возможнымъ принимать въ полки «ближайшихъ азіятцевъ, не называя ихъ до времени казаками», назначилъ срокъ службы и въ порядкѣ управленія, правъ и довольствія, приказалъ сравнять Кавказское линейное войско съ Донскимъ. Резолюціею Государя подтверждено кромѣ того вновь о заведеніи школъ по образцу кантонистскихъ.

Главнымъ основаніемъ, вслѣдствіе этого, для положенія 1845 года послужило положеніе Донское, съ измѣненіями вызванными мѣстными особенностями. Общее управленіе войскомъ какъ гражданское, такъ и военное поручено Главнокомандующему отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ, подчиненному по дѣламъ войска Военному Министерству и Департаменту военныхъ поселеній, при чемъ установлено, что всѣ представленія по дѣламъ войсковымъ, превышающія власть Главнокомандующаго, восходятъ, съ его заключеніями, на Высочайшее разрѣшеніе.

Особаго органа по казачьимъ дѣламъ при Главнокомандующемъ установлено небыло и всѣ они сосредоточивались въ корпусномъ Штабѣ.

Мѣстное управленіе войска составили войсковой наказный атаманъ, начальникъ штаба, войсковое дежурство, войсковое правленіе, бригадныя правленія, военно-судныя коммисіи, полковыя и станичныя учрежденія и торговый словесный судъ. Права и обязанности атамана и начальника штаба заимствованы изъ Донскаго положенія. Въ дежурствѣ сосредоточились дѣла по военному устройству, комплектованію, службѣ и довольствію войска; въ войсковомъ правленіи, образованномъ по примѣру Донскаго, дѣла по войсковому хозяйству—завѣдыванію войсковымъ капиталомъ, общими войсковыми доходами и расходами, наблюденіе за неприкосновенностью границъ войсковой земли и охраненіе ея отъ водворенія посторонннихъ лицъ, къ войску непринадлежащихъ; гражданскіе иски и тяжбы, счетная и контрольная часть, опеки; общественное призрѣніе, дѣла о народномъ здравіи и продовольствіи. Дѣятельность правленія поставлена подъ надзоръ Кавказскаго губернскаго прокурора. Непосредственно подчиненными наказному атаману, дежурству и войсковому

правленію учрежденіями и вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ органами по управленію войскомъ явились бригадныя и полковыя правленія, изъ которыхъ первыя имѣли значеніе только военное, строевое, а въ послѣднихъ сосредоточивалось все управленіе населеніемъ, росписаннымъ по полковымъ округамъ, такъ чтобы каждый округъ могъ комплектовать одинъ конный полкъ. Соединяя въ себѣ управленіе, военное, полицейское, гражданское, хозяйственное и судебную часть, полковыя правленія подъ предсѣдательствомъ полковыхъ командировъ, дѣйствовали на правахъ окружныхъ сыскныхъ и судныхъ начальствъ и опекъ войска Донскаго. Послѣднею административною инстанціею были управленія станичныя, состоящія изъ начальника станицы и двухъ судей. По дѣламъ общественнымъ, станичнымъ обществамъ предложено руководствоваться положеніемъ, изданнымъ для Донскаго войска.

Въ судебномъ отношеніи все населеніе войска, не исключая и женскаго, подчинено вѣдѣнію военно-судныхъ коммисій. Гражданскіе иски и тяжбы разбирались въ судахъ словесныхъ при полковыхъ правленіяхъ и затѣмъ въ 2-хъ инстанціяхъ—въ правленіяхъ полковыхъ и войсковыхъ.

Въ видахъ развитія въ войскѣ торговли и промышленности учреждено общество торговыхъ казаковъ, избавленное, за извѣстную плату въ доходъ войска, отъ личной обязательной службы и по своимъ торговымъ дѣламъ вѣдавшееся особымъ для общества этого учрежденнымъ судомъ.

Положеніемъ были опредѣлены, кромѣ того, строевой составъ войска и частей его, порядокъ комплектованія ихъ и прохожденія службы нижнихъ чиновъ и офицеровъ, довольствіе отъ казны и войска. Обращено было также вниманіе на народное образованіе, для чего учреждены полковые школы на основаніяхъ, указанныхъ Императоромъ НИКОЛАЕМЪ I, опредѣлено устройство врачебной части въ войскѣ, указаны мѣры для обезпеченія народнаго продовольствія и т. д.

Положеніе это дѣйствовало, безъ существенныхъ измѣненій, въ теченіи 24 лѣтъ, пока вмѣстѣ съ Черноморскимъ, изданнымъ въ 1842 году, не было замѣчено выработаннымъ на иныхъ началахъ особыми коммисіями.

Перейдемъ теперь къ краткому очерку исторіи развитія учрежденій Черноморскихъ.

Поселенное въ 1792 году, на мѣстахъ нынѣ имъ занимаемыхъ, Черноморское казачье войско тогда же, на основаніи грамоты, ему дарованной, получило и собственныя учрежденія, состоявшія: изъ войсковаго правительства и 5 окружныхъ управленій. Правительство составляли, по избранію войска: войсковой атаманъ съ двумя судьями, секретаремъ и протоколистомъ. Въ военномъ отношеніи войско дѣлилось на полки, составляемые изъ опредѣленныхъ куреней и управлялось тѣмъ же атаманомъ, съ помощью военнаго правительства и постоянными командирами, по назначенію атамана, подчиненнаго Таврическому губернатору и военной коллегіи.

При поселеніи, старшины войска получили офицерскіе чины не за урядъ, а по сравненію съ офицерами арміи, чѣмъ и было положено основаніе высшему—дворянскому сословію въ войскѣ.

Высочайшимъ указомъ 16-го Февраля 1801 года, войсковое правительство переименовано въ войсковую канцелярію, а окружныя правленія—въ земскія начальства, при чемъ число ихъ ограничено 4. Въ составѣ присутствія канцеляріи опредѣлено находиться войсковому атаману, 2 непремѣннымъ членамъ и 12 ассесорамъ, занимавшимся въ 6 экспедиціяхъ; сыскнымъ начальствамъ предписано дѣйствовать на правахъ земскихъ судовъ. Для охраненія правосудія при канцеляріи назначенъ прокуроръ. Дѣла особой важности

гражданскія предположено было разсматривать въ экспедиціяхъ; но по дополнительному повелѣнію, состоявшемуся въ 1802 г., опредѣлено отправлять ихъ на ревизію въ Таврическое губернское правительство. Послѣднее почти немедленно вступило въ препирательство съ войсковою канцеляріею о правахъ и предѣлахъ власти и къ 1810 году ограничило ея компетенцію рѣшеніемъ дѣлъ на сумму до 20 рублей. Въ 1812 году Сенатскимъ указомъ подтверждено было это крайне стѣснительное и вредное для края распоряженіе, при передачѣ гражданскихъ дѣлъ Черноморіи въ вѣдѣніе Кавказской палаты уголовнаго и гражданскаго суда.

Для дѣлъ военныхъ, повелѣніемъ 1802 г., учреждена, по примѣру войска Донскаго, военная канцелярія, вѣдавшая 10 конными и 10 пѣшими полками и подчиненная Крымской военной инспекціи. Канцелярія состояла изъ 2 непремѣнныхъ членовъ и 4 ассесоровъ, по выбору, на 3 года.

Управлявшій въ началѣ текущаго столѣтія Таврическою губерніею и Черноморскимъ войскомъ дюкъ-де Ришелье, при первомъ-же посѣщеніи края, убѣдился въ крайней несоразмѣрности числительности казаковъ, простиравшейся всего до 13/т. человѣкъ, съ пространствомъ земли имъ отведенной и протяженіемъ границы, охраненіе которой имъ было поручено и вошелъ съ ходатайствомъ объ усиленіи войска 25/т. переселенцевъ мужскаго пола, изъ малороссійскихъ казаковъ Полтавской и Черниговской губерній. Основаніемъ гимназіи, конскаго и овчарнаго заводовъ и суконной фабрики, сформированіемъ правильно устроенной артиллерійской роты и постройкою многихъ общественныхъ зданій Ришелье оставилъ на долго память по себѣ въ войскѣ.

Преемникъ его, графъ Ланжеронъ, обратилъ вниманіе преимущественно на военное устройство войска, требовавшее многихъ заботъ, вслѣдствіе полнаго отсутствія военной подготовки переселенцевъ. Находя порядки донскіе заслуживающими во многомъ предпочтенія передъ черноморскими, графъ Ланжеронъ не однократно рекомендовалъ ихъ войсковому атаману и несмотря на энергическіе протесты послѣдняго, командировалъ на Донъ подполковника Дубоноса, которому поручилъ ознакомиться во всѣхъ подробностяхъ съ донскимъ военнымъ устройствомъ и составить положеніе для Черноморцевъ. Всего болѣе возмущалъ графа Ланжерона обычай безбрачія, удержавшійся у старыхъ запорожцевъ, изъ числа которыхъ, по доставленнымъ графу свѣдѣніямъ, въ войскѣ считалось болѣе 2 т. человѣкъ, непожелавшихъ обзавестись ни семьями, ни хозяйствомъ. Напрасно атаманъ убѣждалъ графа, что это «самые преисправнѣйшіе воины, помышляющіе только объ улучшеніи своей способности къ службѣ, работающіе исключительно на коня и свое оружіе, и заслуживающіе поощренія, а не сожалѣнія, въ которомъ нуждаются именно семейные.» Графъ не допускалъ возможности такого добровольнаго самопожертвованія, на которое обрекли себя эти казаки, обязавшіеся будто-бы изъ честолюбія служить вѣчно. «Нѣтъ», говоритъ онъ, «примѣра въ исторіи народовъ, чтобы подобные имъ, ничего неимѣющіе, защищали свое отечество съ такимъ мужествомъ, рвеніемъ и храбростью какъ тѣ, которые имѣютъ собственныя свои семейства и слѣдовательно свои выгоды.» Указывая далѣе на дошедшіе донего слухи о поголовномъ пьянствѣ безсемейныхъ, батрачествѣ у чиновниковъ и «гибельную старость, обращающую ихъ въ нищихъ,» графъ предписываетъ розыскать и собрать ихъ, построить для нихъ на войсковой счетъ дома, снабдить всѣмъ хозяйствомъ и обѣщаетъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ они возвратятъ войску убытки, сдѣлавшись хорошими гражданами и храбрыми воинами. «Самое человѣчество, заключаетъ графъ, требуетъ въ подобныхъ случаяхъ подать руку помощи и возвратить заблудшаго на путь, для него и общества полезный.» Надо думать, что пред-

писаніе графа осталось неисполненнымъ, такъ какъ ко времени ревизіи войска генераломъ Киселевымъ въ 1818 году, безсемейныхъ считалось до 5 т. человѣкъ.

Кореннымъ недостаткомъ Черноморскихъ порядковъ графъ Ланжеронъ признавалъ способъ комплектованія полковъ изъ однихъ и тѣхъ же куреней, постоянный составъ полковъ и ихъ строеваго начальства. «Пользуясь привиллегированнымъ положеніемъ послѣднее,» указываетъ графъ, «захватило себѣ лучшія усадьбы и рѣчки и повыстроило мельницы,» обращая казаковъ своихъ частей, по возвращеніи съ кордонной службы, въ безотвѣтныхъ рабочихъ. Освобожденіе ихъ изъ такого положенія необходимо и возможно только съ принятіемъ донскаго порядка, по которому полки комплектуются со всего войска и возвратившіеся со службы казаки распускаются по домамъ, прекращая всякія служебныя отношенія къ строевому начальству. Подъ руководствомъ графа Ланжерона и по донскимъ образцамъ, подполковникъ Дубонось составилъ въ 1819 году правила, которыя однако же примѣнены были на практикѣ только отчасти, такъ какъ въ слѣдующемъ году войско было изъято изъ вѣдѣнія Херсонскаго губернатора.

Поддерживая начинанія предшественника своего дюка де Ришелье, графъ Ланжеронъ много заботился объ улучшеніи войсковыхъ заводовъ и суконной фабрики и сверхъ того намѣревался устроить богадѣльню для престарѣлыхъ, раненыхъ и увѣчныхъ казаковъ, но на учрежденіе ея войсковая канцелярія несогласилась, указывая на полное отсутствіе желающихъ ею пользоваться. Такая же неудача постигла и представленіе губернатора о необходимости обезпечить комплектованіе полковъ и артиллеріи хорошо подготовленными офицерами, для чего устроить въ Екатеринодарѣ кадетскій корпусъ. «Какъ извѣстно изъ исторіи народовъ» писалъ графъ въ 1819 году военному министру «тогда только художества и заведенія усовершенствовались, когда процвѣтали науки; войско же совершенно неимѣетъ удобности къ пріобрѣтенію оныхъ. Для сего и должно завести въ Екатеринодарѣ военный институтъ, вмѣсто теперешней гимназіи. Планъ ученія и устройство онаго должны быть соображены съ положеніемъ кадетскаго корпуса, изъ коего назначить директора и опредѣлить учителей на счетъ казны. Содержаніе воспитанниковъ и однообразное обмундированіе ихъ можетъ производиться изъ войсковыхъ доходовъ. Въ институтѣ слѣдуетъ образовать два отдѣленія: одно для дѣтей дворянъ и офицеровъ и для высшихъ наукъ, другое для дѣтей казачьихъ по примѣру военно-сиротскихъ отдѣленій. По окончаніи курса изъ 1 отдѣленія ученики выпускались бы офицерами въ войска и артиллерію, а изъ 2—урядниками.»

Къ сожалѣнію это безусловно полезное для войска предложеніе не было принято немедленно, а поддержать новымъ ходатайствомъ графъ Ланжеронъ уже не успѣлъ. Свѣдѣнія о различныхъ безпорядкахъ по управленію Черноморскимъ войскомъ побудили Государя Императора Александра I, въ 1818 году, командировать въ Черноморію, для ревизіи всѣхъ ея учрежденій, начальника штаба 2-й арміи, генералъ-маіора Киселева. Въ донесеніяхъ объ исполненіи этого порученія генералъ Киселевъ указалъ на необходимость новаго усиленія войска 25 т. мужескаго пола, на переселеніе которыхъ изъ малороссійскихъ губерній и послѣдовало Высочайшее соизволеніе въ 1820 году. Кромѣ того генералъ Киселевъ нашелъ полезнымъ по военной части: измѣнить порядокъ отбыванія казаками службы, для чего образовать 3 смѣны полковъ, доведя числительность ихъ до 21 полка, съ тѣмъ чтобы одна смѣна находилась въ теченіи года на службѣ, а двѣ на отдыхѣ; при этомъ сохранивъ комплектованіе полковъ изъ опредѣленныхъ куреней, измѣнить самое ихъ расположеніе, переселивъ ближе къ линіи въ такомъ порядкѣ, который облегчалъ бы сборъ и формированіе частей; внѣ службы подчинить казаковъ исключительно сыскнымъ начальникамъ

и куреннымъ атаманамъ «чтобы каждый казакъ имѣлъ во время годовой службы командировъ, ему назначенныхъ, а во время домашняго пребыванія начальниковъ обществомъ избранныхъ;» офицеровъ и чиновниковъ обязать опредѣленною службою, такъ какъ, пользуясь всѣми привиллегіями сословія, они должны раздѣлять и обязанности его; при этомъ недопускать въ одномъ и томъ же лицѣ соединенія нѣсколькихъ должностей, такъ какъ нѣкоторые чиновники, имѣя постоянныя гражданскія назначенія, въ тоже время командуютъ полками или числятся въ оныхъ; инспектированіе полковъ поручать особымъ офицерамъ, а не полковымъ командирамъ. По гражданской части: прибавить къ составу канцеляріи по одному депутату отъ каждаго куреня, съ тѣмъ чтобы канцелярія, составленная изъ однихъ чиновниковъ, немогла продолжать дѣйствовать въ ущербъ прочему населенію; войсковые заводы и фабрику закрыть, потому что требуя лишнихъ рабочихъ людей отъ войска, учрежденія эти ослабляютъ полки, несущіе тяжелую службу на границѣ и такъ какъ рабочіе не получаютъ платы и просятъ увольненія, то въ этомъ «по вольному ихъ состоянію отказать невозможно.» Въ заключеніе генералъ Киселевъ заявляетъ о необходимости составить проекты положеній по военной, гражданской и хозяйственной частямъ, принявъ въ основаніе: Высочайше дарованныя войску грамоты, избранные приказы и постановленія бывшихъ начальниковъ, обычаи, привычками народа узаконенные, сосѣднее съ непріятелемъ положеніе и согласованіе, по возможности, военнаго устройства съ общепринятымъ въ Государствѣ.

Разсматривая донесеніе генерала Киселева, Комитетъ Министровъ обратилъ между прочимъ вниманіе на замѣченное при ревизіи появленіе частнаго владѣнія въ Черноморіи и населенныхъ крестьянами имѣній. «Если» говорилъ генералъ Киселевъ «неудобства такихъ дворянскихъ имѣній признаны на земляхъ другихъ войскъ казачьихъ, то должно-ли допустить сіе въ войскѣ Черноморскомъ или слѣдуетъ предпочесть, чтобы оно составило населеніе единственно военное?» Въ отвѣтъ на это Комитетъ Министровъ постановилъ, что допущеніе въ Черноморіи права имѣть крестьянъ было бы несовмѣстно съ основаніями учрежденія войска «ибо земли онаго составляютъ общую собственность всѣхъ, но частно никому не принадлежатъ, иначе какъ только по войсковому званію.» Воспрещая на будущее время покупку и переводъ крестьянъ на войсковыя земли, Комитетъ Министровъ положилъ всѣхъ крестьянъ, которые уже находятся въ Черноморіи, обратить въ казаки, и владѣльцамъ этихъ крестьянъ выдать соотвѣтствующее вознагражденіе. Журналъ комитета, разсматривавшаго донесеніе, удостоился Высочайшаго утвержденія 19-го Апрѣля 1820 года, а 17-го Апрѣля того же года, въ приказѣ начальника главнаго штаба № 20, объявлено Высочайшее повелѣніе о причисленіи Черноморскаго войска къ составу войскъ отдѣльнаго Грузинскаго корпуса и потому предположенія генерала Киселева о преобразованіяхъ въ Черноморскомъ войскѣ переданы тогда же на заключеніе генерала Ермолова.

Неимѣя возможности посѣтить войско немедленно, новый его главный начальникъ поручилъ, находившемуся въ Черноморіи для завѣдыванія донскими полками и видимо пользовавшемуся особою его довѣренностью, генералъ-маіору Власову, представить отчетъ о состояніи всѣхъ частей управленія войскомъ и соображенія о лучшемъ его устройствѣ. Любопытныя донесенія этого генерала обрисовываютъ состояніе войска въ положеніи самомъ неутѣшительномъ. 10 Января 1821 года онъ пишетъ главнокомандующему, что полковые командиры отличаются полнымъ незнаніемъ службы, а казаки вовсе необучены военному дѣлу, вооружены и снаряжены крайне неудовлетворительно. «Смотря на неисправность вооруженія полковъ можно думать, что они собраны для одного вида, а не для обороны земли

своей отъ хищниковъ.» Въ другомъ письмѣ вспоминая о большомъ набѣгѣ, сдѣланномъ Закубанцами въ 1820 году, генералъ Власовъ упрекаетъ черноморскихъ чиновниковъ въ томъ, что они «укрылись въ хуторахъ своихъ, а Черкесы, подобно какъ хозяева въ своихъ домахъ, разсыпавшись по степямъ, безвозбранно забирали скотъ ихъ и угоняли оный за Кубань, въ виду отрядовъ въ разныхъ мѣстахъ бывшихъ.» Чиновники хлопотали только о помощи съ Дона и просили о присылкѣ двухъ полковъ оттуда, нисколько ни заботясь о лучшей организаціи своихъ казаковъ, большинство которыхъ состояло изъ недавнихъ переселенцевъ; «съ чупами, подобныхъ древнимъ мужественнымъ запорожцамъ очень теперь мало, побывавшіе же во французскомъ походѣ, стали отставать отъ свойственныхъ ихъ націи обычаевъ, а грубости и невѣжества между ними много.» Оружія имъ надавали столько, что они незнаютъ чѣмъ дѣйствовать противъ непріятеля и уподобляются въ этомъ отношеніи казакамъ, сформированнымъ при Императрицѣ ЕКАТЕРИНѢ изъ ямщиковъ, которые говаривали «одинъ Богъ знаетъ что держать въ рукахъ не то древку, не то ружьецо, не то повода.» Во время же тревогъ казаки собираются въ полки на подкрѣпленіе кордонамъ «точно такъ медленно и разсѣянно, по одному и по два, какъ россійскіе воины послѣ Аустерлицкаго сраженія возвращались въ Россію.

Въ устройствѣ управленія войскомъ генералъ Власовъ замѣчаетъ вредное многопачаліе, недостатокъ положеній и правилъ, опредѣляющихъ обязанности каждаго и происходящій отсюда безпорядокъ и медленность въ производствѣ дѣлъ. Посѣтивъ наконецъ, въ 1821 году, Черноморію генералъ Ермоловъ доноситъ графу Чернышеву 9 Ноября: «найдя въ управленіи войска Черноморскаго по части военной канцеляріи безпорядки, превосходящія всякое воображеніе и не желая продолжать того совершеннаго невниманія, какое доселѣ имѣло начальство, намѣреваюсь я, въ видѣ перваго образованія или вступленія къ порядку, заимствовать нѣкоторыя изъ правилъ или постановленій войска Донскаго.» Возложивъ затѣмъ, въ 1822 году, на генералъ-маіора Власова составленіе проекта положенія объ управленіи Черноморскимъ войскомъ, Главнокомандовавшій выслалъ ему для руководства свѣдѣнія объ устройствѣ управленія войска Донскаго, съ своими замѣчаніями, которыя приказалъ разсмотрѣть въ войсковой канцеляріи, вмѣнивъ ей въ обязанность смѣло изложить свои мнѣнія, «ибо въ постановленіи, долженствующемъ служить руководствомъ на будущее время, полезно предусмотрѣть и сколько можно отвратить могущія встрѣтиться затрудненія и неудобства.» Въ замѣчаніяхъ Главнокомандующій предлагалъ учредить словесные суды, въ которые должны были поступать на предварительное разбирательство всѣ исковыя и тяжебныя дѣла; въ случаѣ несогласія сторонъ дѣла эти направлялись бы въ войсковую канцелярію, съ правомъ обжалованія рѣшеній въ Кавказской палатѣ. Дѣла уголовныя, кражи и прочія преступленія, всѣ безъ изъятія, должны были разсматриваться судомъ военнымъ, что, по мнѣнію генерала Власова, должно было обуздать дерзкое своеволіе черноморскихъ чиновниковъ и заставить ихъ узнать благородство и подчиненность; дѣла дворянскія генералъ Ермоловъ предположилъ передать въ вѣдѣніе Кавказскаго депутатскаго собранія. Въ Іюнѣ 1822 года, положеніе было уже выработано канцеляріею и генераломъ Власовымъ и представлено Ермолову. Для внутренняго управленія предполагалось имп оставить по прежнему войсковую канцелярію, 4-е земскихъ начальства и полицію въ Екатеринодарѣ. Войско подчинить командующему на Кавказской линіи войсками и Главнокомандующему корпусомъ. Въ составъ канцеляріи ввести предсѣдателемъ войсковаго атамана, 2-хъ напремѣнныхъ членовъ, 3-хъ ассесоровъ, 3-хъ секретарей и экзекутора. Земскія сыскныя начальства составить изъ начальника сыскнаго, 3-хъ засѣдателей и секретаря. Долж-

ности непремѣнныхъ членовъ и полиціймейстера замѣщать по назначенію, всѣ прочія по выбору; секретарей допустить, въ случаѣ надобности, и не войсковаго сословія. Канцелярію раздѣлить на экспедиціи военную, экономическую и судную, каждую изъ нихъ на столы, предметы вѣдѣнія которыхъ перечислены съ большою подробностью. При военной экспедиціи учредить военный судъ на правахъ полковаго; ему подчинить все мужское населеніе войска, безъ исключенія, за слѣдующія преступленія: измѣна, побѣгъ изъ службы и къ непріятелю, неповиновеніе, бунтъ, возмущеніе, утрата казеннаго имущества, лихоимство, разбой, насиліе и воровство на сумму болѣе ста рублей; приговоры конфирмуются командующимъ войсками на линіи. При канцеляріи предположенъ прокуроръ и словесный судъ, составляемый изъ лицъ, избираемыхъ тяжущимися сторонами въ числѣ не болѣе 5-ти. По дѣламъ гражданскимъ, канцелярію подчинить Кавказской палатѣ и предоставить право рѣшать дѣла неподлежащія торговой казни и отнятію имѣнія.

Войсковому атаману вмѣнить въ обязанность отнюдь не входить въ переписку съ канцеляріею, а рѣшать дѣла изустно.

Полицію городскую подчинить атаману непосредственно; въ ея вѣдѣніи должна состоять тюрьма, пороховой погребъ и городъ.

Земскія сыскныя начальства сравнять съ уѣздными судами и предоставить разбирать дѣла по кражамъ на сумму отъ 20 до 100 рублей, подвергая наказанію палками, не свыше 100 ударовъ. Дѣла ниже 20 рублей разбирать куреннымъ атаманамъ.

При атаманѣ проектирована особая канцелярія изъ правителя дѣлъ и 2-хъ писарей, для дѣлъ пограничныхъ, секретныхъ и отчетности.

Атаманъ избирается Главнокомандующимъ и утверждается Высочайшею властью. Дѣла дворянъ вѣдаетъ Кавказское депутатское собраніе.

Къ положенію приложены проекты правилъ общественнаго куреннаго управленія и о рыболовствѣ.

Въ Маѣ 1823 года генералъ Ермоловъ представилъ на Высочайшее воззрѣніе эти проекты, нѣсколько измѣнивъ ихъ и пояснивъ во всеподданнѣйшемъ рапортѣ, что онъ призналъ необходимымъ вывести Черноморскаго атамана и войсковую канцелярію «изъ всякой зависимости отъ Кавказскихъ губернскихъ присутственныхъ мѣстъ, подчинивъ прямо корпусному командиру, потому уваженію, что управленію военному вообще неприлично находиться подъ вліяніемъ гражданскаго начальства». Изъ состава канцеляріи генералъ Ермоловъ выдѣлилъ судъ, предназначенный для разбора тяжебныхъ и исковыхъ дѣлъ всего населенія и уголовныхъ дѣлъ, въ которыхъ обвиняемыми являлись женщины, бродяги и иногородные. Выдѣленіе суда изъ канцеляріи и вліянія атамана, мотивируется тѣмъ, что смѣшеніе властей исполнительной и гражданской было бы невмѣстно и тѣмъ, что судъ этотъ непремѣнно долженъ находиться въ вѣдѣніи Кавказской палаты, которой подчинять атамана было бы совершенно невозможно. Въ приложенныхъ къ проекту штатахъ войсковыхъ чиновниковъ показано 100 и содержанія имъ назначено 38750 рублей. Проектъ былъ утвержденъ въ 1827 году. Въ слѣдующемъ же, 1828-мъ, графъ Паскевичъ, вступившій въ управленіе краемъ и совершенно недовольный войсковымъ атаманомъ и канцеляріею войска подчинилъ ихъ наблюденію генерала, завѣдывавшаго кордонною линіею, которому далъ для этого особую инструкцію, а въ 1830 г. предавъ суду атамана генералъ-маіора Безкровнаго, возложилъ исправленіе его должности на генералъ-маіора Завадовскаго. Находя населеніе Черноморіи слабымъ числительностью, графъ Паскевичъ исходатайствовалъ новое переселеніе 25/т. душъ мужескаго пола изъ малороссіи и въ 1832 году поручилъ особому

комитету, собранному въ Екатеринодарѣ, разработать проектъ новаго положенія; въ 1835 году проектъ былъ представленъ командовавшему корпусомъ, генералъ-адъютанту барону Розену, подвергнутъ вновь пересмотру и только въ 1838 году отправленъ въ Петербургъ, гдѣ была образована при военномъ министерствѣ особая коммисія, для пересмотра Черноморскихъ положеній. Въ 1842 году войско получило наконецъ послѣднее свое положеніе.

По положенію этому войску оставлялось, по прежнему, особое управленіе военное и гражданское, подчиненное Главнокомандующему Кавказскимъ корпусомъ и какъ по военному, такъ и по гражданскому управленію—военному министерству. Наказному атаману, опредѣляемому Высочайшею властью, присвоивались права начальника дивизіи и губернатора. Для военнаго управленія при атаманѣ учреждены: должность начальника штаба, войсковое дежурство и коммисія военнаго суда. Войско раздѣлено на округа, во главѣ каждаго поставленъ генералъ, принемъ окружное дежурство, состоящее изъ окружнаго адъютанта съ помощникомъ и аудитора; сверхъ того въ каждомъ округѣ военно-судныя коммисіи, вѣдавшія уголовныя дѣла всего безъ исключенія казачьяго населенія; низшую военную инстанцію составили военные пристава, находившіеся въ распоряженіи начальника округа. Гражданское управленіе составили: войсковое правленіе, врачебная управа, почтовая контора, прокуроръ, торговый судъ, полиція гор. Екатеринодара, управленія гор. Ейскомъ и 4 округами. При правленіи состояли межевая коммисія и архитекторъ.

Войсковое правленіе составляли наказный атаманъ, старшій членъ и 4 ассесора. Присутствовать въ правленіи опредѣлено и начальнику штаба. Правленіе раздѣлялось на 4 экспедиціи: исполнительную, хозяйственную, поземельную и гражданскую. Члены правленія избирались наказнымъ атаманомъ, прочіе чиновники самимъ правленіемъ.

Права и обязанности войсковому правленію присвоены равныя съ губернскими правленіями и палатами и сверхъ того на него возложено завѣдываніе войсковымъ хозяйствомъ.

Почтовая контора и войсковой прокуроръ подчинены непосредственно своимъ министерствамъ.

Полиція образована на основаніи общихъ губернскихъ учрежденій, съ подчиненіемъ атаману и войсковому правленію, также какъ и управленіе городомъ Ейскомъ, учрежденное на основаніи общаго городоваго положенія.

Въ составъ окружныхъ управленій вошли окружные суды, окружныя сыскныя начальства, словесные мировые судьи и окружные стряпчіе.

Суды, вѣдавшіе дѣла подчиненныя уѣзднымъ судамъ, состояли изъ судей, по одному въ каждомъ, избираемыхъ наказнымъ атаманомъ и изъ трехъ засѣдателей по избранію чиновниковъ и казаковъ.

Сыскныя начальства состояли изъ выборныхъ лицъ, сыскнаго начальника и 2-хъ засѣдателей изъ казаковъ. Права имъ присвоены равныя съ правами земскихъ судовъ.

Словесные мировые суды дѣйствовали на общемъ основаніи для словесныхъ и третейскихъ судовъ.

Стряпчіе назначались прокуроромъ и исполняли обязанности уѣздныхъ стряпчихъ.

Станичныя управленія образовали, избираемые обществомъ, атаманъ и двое судей. Права и обязанности ихъ были заимствованы изъ положенія Донскаго, также какъ и прочія постановленія объ общественномъ управленіи.

Сравнивая между собою оба положенія Черноморское и Линейное, изданныя почти одновременно, нетрудно замѣтить между ними существенную разницу. Черноморское служило развитіемъ предъидущаго законодательства, для войска изданнаго; Линейное было пер-

вымъ положеніемъ, замѣнившимъ совершенный хаосъ, царствовавшій до того въ этомъ войскѣ. Учрежденія, составляя въ обоихъ войскахъ органы одного военнаго министерства и предназначенныя для удовлетворенія всѣмъ потребностямъ казачьяго населенія, различались въ особенности въ среднихъ инстанціяхъ какъ по составу, такъ и по характеру дѣятельности.

Въ Линейномъ войскѣ власть гражданская, военная и даже судебная была сосредоточена въ рукахъ полковаго командира, дѣйствовавшаго на правахъ предсѣдателя полковаго правленія, замѣнявшаго собою всѣ окружныя учрежденія Черноморскія, Донскія и уѣздныя внутреннихъ губерній. Въ Черноморскомъ войскѣ власть полковаго командира ограничивалась строевою службою и на бытъ казака домашній не распространялась, но за то возвратившись со службы, онъ попадалъ подъ вліяніе трехъ властей, независимыхъ одна отъ другой равноправныхъ и дѣйствовавшихъ въ одномъ и томъ же раіонѣ. Это были: 1) военный окружный начальникъ, обязанный наблюдать за исправностью казаковъ къ службѣ, правильностью ихъ нарядовъ, за порядкомъ ихъ выкомандированія и вообще за военною частью, 2) окружный судъ, разбиравшій всѣ гражданскія дѣла казаковъ и 3) сыскной начальникъ, завѣдывавшій полиціею, благоустройствомъ, нарядами на общественныя работы и пр.

Почти всѣ безъ изъятія должности въ учрежденіяхъ Линейныхъ замѣщались по избранію и назначенію высшихъ властей; у Черноморцевъ же удержано было выборное начало, не только для станичныхъ атамановъ, но и для чиновъ окружныхъ управленій и даже для окружныхъ сыскныхъ начальниковъ.

Было однакоже и весьма важное сходство въ обоихъ положеніяхъ, заключавшееся въ томъ, что всѣ учрежденія по внутреннему управленію обоихъ войскъ имѣли устройство коллегіальное, подобное однороднымъ учрежденіямъ губернскимъ и уѣзднымъ, руководились общими съ ними порядками и потому, весьма скоро усвоили ихъ недостатки: крайнюю медленность дѣлопроизводства, многосложность переписки, канцелярскую тайну, покрывавшую злоупотребленія, канцелярскую тьму, основанную на недоступныхъ народу сводахъ безчисленныхъ законовъ, значительная доля которыхъ примѣнялась къ казачьему населенію условно, откуда и вытекалъ одинаковый въ обоихъ войскахъ безграничный почти произволъ.

Въ общемъ, вновь введенное управленіе имѣло характеръ бюрократическій, вполнѣ чуждый духу казачьяго населенія, его военному устройству, привычкамъ, вынесеннымъ изъ жизни, неразлучной съ непрерывной въ то время войной и наконецъ самому складу общества, въ которомъ среди воиновъ отъ рожденія неуспѣлъ еще къ тому времени народиться классъ чиновниковъ. Немудрено потому что казачество не вполнѣ было довольно положеніемъ, хотя и освободившимъ его, согласно стародавнему его желанію, отъ гражданской зависимости, по создавшему за то въ самомъ войскѣ учрежденія, съ успѣхомъ замѣнившія губернскія палаты, уѣздные суды и проч. Не вполнѣ довольны были и представители учрежденій: чиновники низшіе—потому что находясь въ безусловной зависимости имущественной, служебной и семейной отъ полковыхъ командировъ, могли на службѣ во вновь образованныхъ учрежденіяхъ составлять только подобіе коллегій и никогда правами ихъ не осмѣливались пользоваться, въ особенности при командирахъ энергичныхъ; высшіе же, войсковые, потому что военныя событія, потребовавъ крайняго напряженія всѣхъ силъ для веденія войны, побудили подчинить наказныхъ атамановъ и войсковыя правленія командующимъ войсками на линіи. Послѣдніе, же т. е. командующіе войсками по прежнему поглощенные военною дѣятельностью, не могли удѣлять достаточнаго вниманія дѣламъ войсковымъ и пренебрегая по неволѣ нуждами населенія, увеличивали, по неизбѣжному ходу со-

бытій, службу и тягости на немъ лежавшія. Въ отчетѣ за 1856 годъ о Линейномъ войскѣ наказный атаманъ его, генералъ-маіоръ Рудзевичъ, говоритъ «благосостояніе линейныхъ казаковъ находится въ зависимости отъ полнаго охраненія и соблюденія правъ и преимуществъ, дарованныхъ войску положеніемъ 14 Февраля 1845 года, что возможно только при прямой зависимости войсковаго начальства отъ Главнокомандующаго Кавказскимъ отдѣльнымъ корпусомъ, ибо полное вліяніе командовавшихъ войсками на Кавказской линіи на внутреннее управленіе войска, съ утвержденія положенія, т. е. съ 1845 по 1856 годъ, отразилось на благосостояніи линейныхъ казаковъ значительнымъ упадкомъ хозяйства, доведшимъ войско до настоящаго его состоянія, потому что все вниманіе ихъ, какъ главныхъ военныхъ начальниковъ на линіи, устремлено было на военныя соображенія и предпріятія, къ осуществленію конхъ они напрягали всѣ силы и средства линейныхъ казаковъ, мало обращая вниманія на внутреннее ихъ положеніе, съ коимъ въ подробности они и знакомы почти никогда не были.—Отъ этого многократныя ходатайства объ облегченіи войска предмѣстниковъ моихъ, какъ видно изъ дѣлъ и даже мои, не получали удовлетворительнаго исхода, а отъ этого и самое военное начальство, обязанное по закону охранять права казаковъ, поставлено было въ уничижительное положеніе.» Замѣчательно, что по полученіи этого отчета, генералу Рудзевичу предписано было строго держаться на будущее время установленной программы и не допускать въ отчетахъ излишнихъ разсужденій.

Невозможно не упомянуть однакоже и о пользѣ, принесенной линейному войску изданіемъ положенія 1845 года. Положеніемъ этимъ утвержденъ былъ за казаками долго ожидавшійся ими земельный надѣлъ, общія границы котораго тогдаже были указаны, подтверждены привиллегіи, дарованныя въ прежнее время, возвращены нѣкоторыя изъ утраченныхъ и пожалованы новыя. Такъ, подтверждены: принадлежность земли со всѣми угодьями всему войску, какъ достоянія общественнаго, неподлежащаго переходу въ частную собственность; избавленіе отъ податей, поставки рекрутъ и сборовъ на содержаніе полиціи, право безплатнаго пользованія солью, замѣна права свободной продажи вина суммою, выручаемою съ питейныхъ сборовъ, опредѣлено вновь назначить войску соотвѣтствующее вознагражденіе за взятыя въ казну Есентукскія минеральныя воды, возстановлены права на нѣкогда пожалованные морскіе и рѣчные рыбные промыслы; войсковые чины сравнены съ армейскими; сдѣлана попытка установить правильную систему отбыванія военной повинности; указаны права и обязанности всѣхъ чиновъ войска и пр Тѣмъ не менѣе вышесказанныя причины повели къ тому, что не прошло и двѣнадцати лѣтъ со времени введенія положенія, какъ оно было уже признано «непримѣнимымъ къ тѣмъ казакамъ, для которыхъ было написано,» выраженіе неоднократно повторявшееся въ комитетѣ, собранномъ для пересмотра этого положенія.

III Періодъ 1860—1885 годъ.

Въ 1857 году генералъ-адъютантъ князь Барятинскій, вступившій въ командованіе арміею, поручилъ командовавшему войсками праваго фланга линіи составить проектъ новаго устройства управленія сѣвернымъ Кавказомъ, который соотвѣтствовалъ бы сдѣланнымъ послѣ 45 года территоріальнымъ пріобрѣтеніямъ, ближайшимъ военнымъ задачамъ и высказавшимся въ послѣдніе годы потребностямъ въ лучшемъ административномъ устройствѣ края. Генералъ Филипсонъ не успѣлъ еще окончить порученнаго ему дѣла, когда въ 1859 году состоялось Высочайшее повелѣніе учредить временный комитетъ въ Ставрополѣ, для приготовленія къ изданію новаго положенія о казачьихъ войскахъ. Поручивъ

комитету продолжать работы генерала Филипсона, князь Барятинскій исходатайствовалъ утвержденіе составленнаго уже этимъ генераломъ проекта административнаго дѣленія сѣвернаго Кавказа и въ 1860 году объявлено было Высочайшее повелѣніе, составившее важную эпоху въ жизни Кавказскихъ войскъ: Кавказское линейное и Черноморское войска были упразднены, а въ замѣнъ ихъ образованы казачьи войска Терское и Кубанское, при чемъ, для устраненія неудобствъ, которыя могли бы произойти отъ учрежденія для одного и того же раіона двухъ равноправныхъ властей, командующимъ войсками въ областяхъ даны права генералъ-губернаторовъ и Терское войско подчинено командующему войсками Терской области, а для Кубанскаго должность наказнаго атамана соединена съ должностью командующаго войсками. До изданія новыхъ положеній, оба войска удержали свои учрежденія, (Черноморскія для одного, Линейныя для другаго:) и продолжали, руководствоваться положеніями 1842 и 1845 годовъ.

Населеніе во вновь образованныхъ областяхъ состояло: въ Кубанской изъ подавляющаго числительностью казачьяго, весьма ничтожнаго городскаго и вновь покоряемаго горскаго; въ Терской—преобладаніе въ числительности было на сторонѣ только что положившаго оружіе горскаго населенія, почти въ три раза превосходившаго казачье; городское же было также незначительно. Для каждаго изъ этихъ видовъ населенія существовали особыя учрежденія, подчиненныя военному министерству. Для горцевъ учрежденія эти состояли изъ канцеляріи при начальникѣ области, областнаго суда, окружныхъ начальниковъ, пользовавшихся лично правами уѣздныхъ правленій, горскихъ народныхъ судовъ при округахъ, приставовъ или наибовъ и аульныхъ старшинъ. Предполагалось издать положеніе объ общественномъ аульномъ правленіи, но до настоящаго времени оно остается не написаннымъ и въ своихъ общественныхъ дѣлахъ горцы руководствуются обычаемъ. Въ Кубанской области, для управленія горцами, послѣ переселенія большинства ихъ въ Турцію, была учреждена должность попечителя, съ небольшою канцеляріею.

Высшее завѣдываніе горцами принадлежало Главнокомандующему, дѣйствовавшему посредствомъ особаго центральнаго учрежденія—горскаго или народнаго правленія. Города въ областяхъ имѣли особое упрощенное управленіе, подчиненное канцеляріи начальника области. Тамъ же сосредоточивались дѣла по управленію иногородными крестьянскими поселеніями и колоніями. Областныя учрежденія оказались весьма скоро не въ силахъ управиться со всею тою работою, которая распредѣляется въ губерніяхъ между губернскимъ правленіемъ, нѣсколькими палатами, присутствіями и управами; явилась настоятельная необходимость усилить средства администраціи, но при этомъ возникъ съ перваго же шага вопросъ—что дѣлать съ населеніемъ, принадлежащимъ къ тремъ категоріямъ, т. е. населеніемъ казачьимъ, горскимъ и гражданскимъ: создавать ли для каждаго изъ нихъ особыя учрежденія, которыя дѣйствовали бы часто на одной и той же территоріи, или подчинить все населеніе учрежденіямъ какой либо одной изъ названныхъ категорій. Кромѣ того, образованіе на сѣверномъ Кавказѣ двухъ областей, въ границы которыхъ вошла большая часть земель, населенныхъ и заключающихъ въ себѣ главные источники богатства страны,—дѣлало повидимому излишнимъ существованіе Ставропольской губерніи, на долю которой остались преимущественно безплодныя степи, съ рѣдкимъ кочевымъ населеніемъ и сравнительно ничтожное русское, сосредоточенное на небольшомъ пространствѣ.

Собранный въ 1860 году комитетъ, согласно Высочайшему повелѣнію 1859 года, просилъ по этому дать ему указанія и программу для предстоящихъ работъ, въ которой выразились бы взгляды правительства на новое устройство казачьихъ войскъ и была

бы указана будущность, къ которой слѣдуетъ стремиться. Князь Барятинскій, назначивъ предсѣдателемъ комитета, въ Декабрѣ 1860 года, графа Евдокимова, ему и поручилъ составленіе программы.

Годомъ позже, представляя личныя свои соображенія объ устройствѣ управленія сѣвернымъ Кавказомъ, при условіи упраздненія Ставропольской губерніи, графъ Евдокимовъ высказывалъ, что особенную трудность въ устройствѣ общихъ областныхъ учрежденій составляетъ организація управленія казаками. «Подчинить ихъ въ домашнемъ быту чисто гражданскому управленію рѣшительно не возможно, иначе можно разстроить ихъ;» начальникъ гражданскаго управленія никакимъ образомъ неможетъ замѣнить атамана; соединить же въ одномъ лицѣ должности командующаго войсками, начальника области и наказнаго атамана также невозможно, такъ какъ при такомъ соединеніи «слѣдовало бы впередъ уже сознаться, что одна изъ должностей будетъ оставаться номинальною и естественно атаманская въ ущербъ казачьему управленію—главному въ областяхъ.» По этому, до окончательнаго прекращенія военныхъ дѣйствій, графъ Евдокимовъ полагалъ сохранить въ обоихъ войскахъ самостоятельныхъ атамановъ, подчинивъ ихъ командующимъ войсками и уже впослѣдствіи—когда обстоятельства позволятъ упразднить должность командующихъ войсками—званіе начальника области соединить съ званіемъ атамана.

Приступивъ къ опредѣленію основаній будущаго устройства войскъ и заручившись мнѣніями многихъ выдающихся лицъ казачьяго сословія, комитетъ нашелъ, что существующія положенія даже и въ общемъ видѣ немогли служить для этой цѣли: Линейное потому, что оно и до образованія Кубанскаго и Терскаго войскъ, оказывалось вомногомъ неудовлетворительнымъ, а часто и непримѣнимымъ къ быту тѣхъ казаковъ, для которыхъ было написано; Черноморское же потому, что при многочисленности установленныхъ имъ властей, породило нескончаемую между ними переписку, послужившую причиною многихъ безпорядковъ, въ особенности по судебнымъ и слѣдственнымъ дѣламъ, въ которыхъ соблюденіе различныхъ формальностей увеличивало число заключенныхъ, продолжительность заключенія и расходы войсковой казны. Казаки, находящіеся на льготѣ и подчиненные двумъ властямъ получаютъ иногда одновременно распоряженія объ исполненіи службы и отправленіи повинности и подвергаются съ чьей нибудь стороны непремѣнному взысканію. «Такое раздвоеніе власти долговременнымъ уже опытомъ признано совершенно невозможнымъ».

Комитетъ принялъ, вслѣдствіе этого, въ руководство программу и основанія, выработанныя гр. Евдокимовымъ, для преобразованія управленія всего сѣвернаго Кавказа, но командовавшій въ то время арміею, князь Орбеліани, увидѣлъ въ этомъ нарушеніе Высочайшаго повелѣнія, даннаго комитету о пересмотрѣ и приготовленіи къ новому изданію, исключительно только казачьихъ, а не общихъ положеній и приказалъ неотступать отъ повелѣнія. Между тѣмъ, при недавно передъ тѣмъ образованномъ (1857 г.) Главномъ управленіи иррегулярныхъ войскъ, собранъ былъ изъ состава лицъ, въ немъ служившихъ, особый комитетъ, для опредѣленія общихъ началъ, которыя должны были служить основаніемъ для положеній всѣхъ казачьихъ войскъ и въ концѣ 1862 года Кавказскому комитету сообщены были начала, радикально измѣнявшія, существовавшія до того времени, взгляды на казачьи общества и ихъ службу и устанавливавшіе порядокъ, клонившійся не къ поддержанію, а къ совершенному устраненію казачьяго сословія изъ состава населенія Имперіи. Начала эти имѣли такое вліяніе на изданіе нынѣ дѣйствующаго положенія, что невозможно неостановиться передъ ними, съ особеннымъ вниманіемъ. Опредѣливъ, въ чемъ заключаются главныя особенности казачества, комитетъ указалъ ихъ не нормальность и

средства ихъ уничтоженія. Такъ, одну изъ 4 такихъ главныхъ, подмѣченныхъ комитетомъ особенностей въ казачьемъ быту, несомнѣнно составляло общинное владѣніе землею, которымъ казачьи общины дѣйствительно всегда крайне дорожили и права, на которое были подтверждаемы всѣми Монархами, со временъ признанія ими того или другаго войска. Комитетъ нашелъ, что стѣсняя развитіе частнаго благосостоянія, общинное землевладѣніе ограничиваетъ производительность земель, которыя могли бы прокормить по своей обширности двойное и тройное народонаселеніе противъ нынѣшняго, а между тѣмъ, замѣчаетъ комитетъ, нѣкоторыя войска признаютъ количество своихъ земель еще недостаточными. Другая особенность состояла въ равенствѣ всѣхъ казаковъ передъ поголовной обязаностью военною службою. Комитетъ находитъ, что обязанность эта препятствуетъ развитію общественныхъ сословій, существованіе которыхъ необходимо вызвать и лишаетъ имѣющіяся уже сословія, какъ напр. дворянъ и торговыхъ казаковъ, правъ, предоставленныхъ этимъ сословіямъ въ государствѣ. Далѣе, употребляя выраженіе комитета, «самобытность» войскъ ограждается законоположеніями, воспрещающими иногороднимъ заводить на войсковыхъ земляхъ осѣдлость и владѣть недвижимыми имуществами и недозволяющими выхода изъ сословія. Постановленія эти вредны, по мнѣнію комитета, потому, что препятствуютъ водворенію въ войскахъ капиталистовъ и оживленію торговли и промышленности; воспрещеніе же выхода изъ сословія лишаетъ казаковъ права свободнаго выбора мѣста жительства, чѣмъ пользуются всѣ жители государства. Поставивъ главною своею цѣлью развитіе въ казачьихъ войскахъ гражданственности, комитетъ объясняетъ, что для достиженія ея недостаточно уничтожить сословную замкнутость, такъ какъ свобода выхода и входа, оправдываемая уваженіемъ къ личной свободѣ человѣка, непроизвела бы существенной перемѣны въ обществѣ—«мѣнялись бы люди, а мѣстная общественная жизнь сохранила бы всѣ свои недостатки и народонаселеніе осталось бы по прежнему сословіемъ военнымъ, неимѣющимъ свободнаго выбора общественной дѣятельности, необходимаго для благосостоянія каждаго гражданскаго общества». А потому остановиться только на одной этой мѣрѣ нельзя.

Неосужденною, въ общихъ разсужденіяхъ комитета, осталась одна только особенность, поставленная имъ на первомъ мѣстѣ—это самоуправленіе въ обширномъ смыслѣ, предоставляющее будто-бы казакамъ собственную администрацію и судей по выборамъ и свои финансы. Кавказскія войска впрочемъ, какъ извѣстно, далеко этою привиллегіею не пользовались.

Средства для уничтоженія всѣхъ этихъ особенностей были предложены весьма рѣшительныя.

Въ войскахъ казачьихъ предположено выдѣлить особый военный составъ, ограничивъ его возможно меньшею нормою. Только для этого состава сохранить права общиннаго владѣнія землею (что даже и неудобопонятно, такъ какъ составъ этотъ не предполагалось вѣроятно дѣлать постояннымъ и наслѣдственнымъ). Всю же остальную землю продавать постепенно въ частныя руки, безразлично казакамъ и постороннимъ лицамъ, или отдавать имъ въ аренду. Весь излишекъ казаковъ обратить въ войсковыхъ гражданъ. Дозволить имъ свободно отчисляться изъ сословія. Гражданскихъ казаковъ обложить платежами, одинаковыми съ прочими сословіями государства. Допустить свободное водвореніе въ казачьихъ земляхъ иногородныхъ, освободивъ ихъ отъ соблюденія всякихъ формальностей, дворянъ освободить отъ обязательной и срочной службы, также какъ купцовъ и духовенство.

Переходя къ указаніямъ основаній для административнаго устройства и недопуская введенія въ положенія тѣхъ началъ этого устройства, которыя въ государствѣ еще не при-

няты, комитетъ рекомендуетъ избѣгать смѣшенія въ однихъ и тѣхъ же учрежденіяхъ дѣлъ административныхъ и полицейскихъ съ дѣлами военными и хозяйственными, а также судебными, ограничить число учрежденій мѣрою крайней необходимости, обезпечивъ должности достаточнымъ содержаніемъ и устроить учрежденія такъ, чтобы они не подвергались застою.

Получивъ такія указанія, Кавказскій комитетъ, къ 1864 году, составилъ проектъ положенія, который былъ отправленъ на разсмотрѣніе наказнымъ атаманамъ, но былъ признанъ ими не практичнымъ. Замѣчательно между прочимъ, что собранный Кубанскимъ наказнымъ атаманомъ мѣстный комитетъ, проспилъ при этомъ какъ особой милости о надѣленіи офицеровъ поземельными участками въ потомственную собственность, хотя бы и безъ права отчужденія ихъ въ руки лицъ, къ войску неприпадлежащихъ *«дабы коренныя права по владѣнію войскомъ землею не были нарушены.»*

Неудовлетворительность проекта побудила перемѣстить комитетъ въ Тифлисъ, гдѣ къ концу 1865 года выработанъ былъ новый проектъ, совершенно сходный съ изданнымъ для войска Оренбургскаго.

Между тѣмъ, Главное управленіе иррегулярныхъ войскъ, замѣчая крайнюю медленность въ составленіи проектовъ и, что еще хуже, отступленія отъ указанныхъ имъ основныхъ началъ, почему нѣкоторые проекты не отвѣчали его видамъ, предпочло взять на себя трудъ составленія положеній для казачьихъ войскъ, при участіи казачьихъ депутатовъ, которые и были вызваны, въ 1866 году, въ Петербургъ. Въ число ихъ отъ Терскаго и Кубанскаго войскъ было назначено всего по 1 офицеру. Государю Императору благоугодно было выразить этимъ депутатамъ желаніе, чтобы казачьи войска, оказавшія столько незабвенныхъ услугъ отечеству, сохранили и на будущее время свое воинское назначеніе, но съ тѣмъ, чтобы въ устройствѣ ихъ военное ихъ значеніе было сколько возможно согласовано съ выгодами гражданскаго быта и хозяйственнаго благоустройства. «Казачье населеніе, говорилъ Императоръ, отбывая по прежнему военную свою обязанность, можетъ и должно въ то же время пользоваться общими для всѣхъ частей Имперіи благами гражданскаго устройства.»

Не смотря на эти драгоцѣнныя, для казачьихъ войскъ слова, Главное управленіе, стремившееся не представлять и охранять мѣстные интересы войскъ, а управлять ими по общему шаблону, сглаживая ихъ особенности и по примѣру всѣхъ канцелярій, дѣйствующихъ за тысячи верстъ, знакомое съ принятымъ имъ на себя дѣломъ только по мертвой бумагѣ, удержало свое направленіе и продолжало дѣйствовать въ духѣ уничтоженія, а не поддержанія, согласно ясно выраженной Государемъ волѣ, казачьяго сословія.

Временной комитетъ не только подтвердилъ, выработанныя управленіемъ въ 1862 году, основныя начала, но и придалъ имъ еще большее развитіе и преслѣдуя все туже цѣль сліянія казачьяго населенія съ остальными сословіями, призналъ полезнымъ подчинить казаковъ общей администраціи, полиціи и суду, гдѣ представлялась къ этому какая нибудь возможность, а для этого вводить ихъ въ составъ губерній, подчиняя губернской администраціи, т. е. лишая подмѣченной раньше Главнымъ управленіемъ иррегулярныхъ войскъ, особенности—права на самоуправленіе. Такое направленіе временнаго комитета, вызвало наконецъ энергическій протестъ донскихъ депутатовъ, высказавшихся противъ установленія въ войскѣ военныхъ и гражданскихъ казаковъ, противъ уничтоженія обязательной для всѣхъ службы, освобожденія отъ нея дворянъ и пр.

«Равноправность и справедливость, говорили донцы, есть основныя черты существую-

«щаго порядка. Ненарушимость настоящаго образа служенія войска Донскаго, стяжавша-«го ему историческую славу, утвержденнаго Высочайшими грамотами и Импе-«раторскимъ словомъ четырехъ Монарховъ, образъ этого служенія выработанъ «самимъ ходомъ событій и усвоенъ всѣмъ донскимъ населеніемъ въ теченіи трехъ вѣковъ. «Всякая перемѣна его была бы принята донцами съ прискорбіемъ, какъ нарушеніе пожа-«лованныхъ имъ привиллегій и уклоненіе отъ пути завѣщаннаго предками ихъ.»

Благодаря этому протесту, управленіе должно было допустить многія исключенія для донскаго войска, но прочія продолжало устраивать по своимъ образцамъ и въ 1868 г. закончило проектъ положенія для войскъ Кавказскихъ. По проекту этому дворяне Кубанскаго и Терскаго войскъ, потомственные и личные и лица, пользующіяся правами почетнаго гражданства, освобождаются отъ обязательной службы и соединяются съ такими же сословіями областей; духовенство исключается изъ сословія; купцы и торговцы приписываются къ гильдіямъ; выходъ изъ сословія допускается цѣлымъ станицамъ, съ выкупомъ надѣловъ и отдѣльнымъ семействамъ и лицамъ съ землею и безъ земли, съ разрѣшенія областныхъ правленій; въ строевыя части допускаются на службу всѣ желающіе по общимъ правиламъ; право откупа отъ службы широко развито и пр.

Прежде чѣмъ перейдти къ дальнѣйшей участи проекта, нельзя незамѣтить что какъ бы въ видахъ осуществленія указанныхъ въ 1862 году основныхъ началъ, въ Апрѣлѣ 1869 года, послѣдовало измѣненіе нѣкоторыхъ коренныхъ основаній владѣнія землею въ казачьихъ войскахъ, а именно Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта опредѣлено: раздѣлить войсковыя земли на три категоріи—на отводъ станицамъ, надѣлъ офицеровъ и чиновниковъ и на войсковой запасъ, при чемъ земли станичныя должны были оставаться въ общественномъ владѣніи, офицерскія же должны были поступить въ частную собственность, съ правомъ передачи и продажи въ постороннія руки. Такъ какъ офицерскіе участки выдѣлялись изъ юртовыхъ земель и конечно лучшихъ, то въ настоящее время, въ ближайшихъ окрестностяхъ станицъ, водворяются прочно посторонніе, иногда (какъ въ Терской области) совершенно враждебные войску элементы.

Въ томъ же году Главное управленіе возбудило вопросъ о предоставленіи правъ полнаго гражданства иногороднимъ, поселившимся въ станицахъ, безъ приписки ихъ къ казачьему сословію и исходатайствовало разрѣшеніе иногороднимъ водворяться въ станицахъ, не спрашивая согласія обществъ.

Результатъ сказался въ томъ, что едва достигавшее въ Кубанской области въ началѣ шестидесятыхъ годовъ 12—13 т. число иногородныхъ, теперь далеко превосходитъ 300 т.

Присланный изъ Главнаго управленія проектъ устройства Кавказскихъ войскъ былъ вновь разсмотрѣнъ на мѣстѣ и окончательно согласованъ съ устройствомъ Кубанской и Терской областей.

Примѣненію общихъ началъ временнаго комитета Главнаго управленія къ административному устройству этихъ областей, немало способствовали и исключительныя мѣстныя условія. Въ Терской области, напр., какъ уже было выше сказано, казачье населеніе составляетъ едва одну треть всего населенія, преимущественно горскаго, при чемъ управленіе послѣднимъ крайне затруднялось его только что начатымъ умиротвореніемъ, фанатизмомъ и склонностью къ волненіямъ, при всякой новой проводимой администраціею мѣрѣ, чрезполосность же его съ населеніемъ казачьимъ, создававшаяся въ прежнее время по строго обдуманному плану, обостряла до послѣдней степени отношенія горцевъ къ казакамъ, пріобрѣтавшія характеръ кровной, племенной вражды. Продолжительный и тяжкій опытъ

прошлого, побудилъ Его Императорское Высочество Главнокомандовавшаго арміею, представляя, въ Маѣ 1868 г., на утвержденіе проекты устройства областей, указать на крайнія неудобства существовавшаго прежде порядка управленія ими, по которому казачье и горское населеніе имѣли свои отдѣльныя административныя и судебныя учрежденія, лишенныя возможности при черезполосномъ размѣщеніи этихъ населеній, дѣйствовать съ надлежащею правильностью и быстротою. «Происходившая отъ этого медленность и запутанность въ дѣлопроизводствѣ дѣйствовала,» по свидѣтельству Его Императорскаго Высочества «весьма вредно на все населеніе, подрывая въ немъ довѣріе и уваженіе къ правительству и поддерживая въ самой осязательной и наглядной для масъ формѣ разъединеніе, влекущее всегда за собою и враждебныя отношенія». На этомъ основаніи и военный совѣтъ, разсматривая проекты, призналъ, что дѣйствовавшія до того времени учрежденія для гражданскаго, казачьяго и горскаго населеній неимѣли между собою необходимой связи и немогли направлять своихъ дѣйствій къ одной опредѣленной цѣли.

Составленное подъ этими вліяніями положеніе, коснувшееся всѣхъ сторонъ быта казачьяго населенія, было Высочайше утверждено въ 1869 году и дѣйствуетъ съ тѣхъ поръ по нынѣ.

Подробное разсмотрѣніе деталей его могло бы составить предметъ особаго труда, въ настоящемъ же бѣгломъ обзорѣ, посвященномъ преимущественно общей характеристикѣ учрежденій и притомъ существовавшихъ и существующихъ только для внутренняго казачьяго управленія, не касаясь почти вовсе военной организаціи и устройства частей, былобы излишнимъ перечислять всѣ вновь созданныя учрежденія; достаточно упомянуть, что должности наказныхъ атамановъ возложены на начальниковъ областей; для военнаго управленія сохранены войсковые штабы и учреждены управленія атамановъ отдѣловъ; для гражданскаго же принята, съ весьма незначительными отступленіями, общая для Кавказскихъ губерній система учрежденій, съ подчиненіемъ гражданскаго управленія вполнѣ Министерству внутреннихъ дѣлъ; въ судномъ отношеніи населеніе вполнѣ сравнено съ населеніемъ внутреннихъ губерній, по всѣмъ не касающимся исключительно военной службы и отправленія воинской повинности дѣламъ; но въ учрежденіяхъ судебныхъ введены нѣкоторыя изъятія изъ общаго порядка: такъ, мировыя судьи служатъ по назначенію, окружные суды дѣйствуютъ безъ присяжныхъ; общественное станичное управленіе разработано заново, сравнено во многомъ съ общимъ волостнымъ и съ сельскимъ и вполнѣ изъято изъ вѣдѣнія военнаго министерства; для завѣдыванія наконецъ общимъ хозяйствомъ войскъ, оставлены войсковыя правленія, съ наименованіемъ ихъ хозяйственными.

Такимъ образомъ возстановлена вновь гражданская зависимость, близко знакомая Кавказскимъ казакамъ, по опыту предшествовавшему изданію положенія 1845 года: вся администрація казаковъ перешла въ руки чиновниковъ, изъ которыхъ только нѣкоторые случайно принадлежатъ къ сословію; наблюденіе за дѣйствіями низшихъ и окружныхъ органовъ сосредоточено въ областныхъ правленіяхъ, составленныхъ изъ лицъ совершено посторонниихъ краю, незнающихъ и не видавшихъ его, да по обязанностямъ службы и немогущихъ его увидѣть; окружныя управленія, соображенныя съ племеннымъ распредѣленіемъ горцевъ, безъ всякаго отношенія къ раіонамъ комплектованія казачьихъ частей, поглощены дѣлами горскими и имѣютъ мало средствъ и возможности посвящать свое вниманіе сравнительно мирному и спокойному казачьему населенію, предоставляя хозяйничать въ немъ приставамъ, съ которыми казаки никакъ не могутъ освоиться; станичныя наконецъ правленія, находясь въ полной зависимости отъ гражданской администраціи, въ тоже время обязаны исполнять

требованія независимой и равноправной съ нею военной. Вслѣдствіе этого порождается непрерывный рядъ столкновеній, подобныхъ происходившимъ въ Черноморіи между сыскными и окружными начальниками и разростается безконечная переписка во вредъ дѣлу и тѣмъ болѣе сложная, что нѣкоторымъ атаманамъ отдѣловъ приходится сноситься съ тремя окружными начальниками. Случаи одновременнаго ходатайства атамана отдѣла о примѣрномъ взысканіи со станичнаго атамана, за явное пренебреженіе приказаніями, ему отданными и начальника округа о награжденіи этого же самаго атамана, за примѣрное исполненіе обязанностей—слишкомъ часты. Требованія военныхъ властей, за неподчиненностью имъ гражданскихъ, обращаются въ просьбы и исполняются, скорѣе по усмотрѣнію и желанію, чѣмъ по обязанности, къ очевидному вреду военной подготовки и службы казаковъ. Поощряя ихъ гражданскія наклонности, заботясь о благоустройствѣ и благосостояніи станицъ, самые ревностные чиновники министерства внутреннихъ дѣлъ незнаютъ, да и не могутъ знать требованій и цѣлей военныхъ и дѣйствуя на точномъ основаніи закона, искореняютъ въ казачьихъ общинахъ ихъ боевой духъ и военныя привычки, воспрещаютъ джигитовку, преслѣдуютъ игры въ которыхъ возможны несчастные случаи и поддерживаютъ въ школахъ направленіе, рѣзко противуположное будущей служебной дѣятельности малолѣтковъ. Съ своей стороны, областныя правленія руководя всею домашнею жизнью станицъ, разсматривая правильность ихъ приговоровъ, наблюдая за станичнымъ хозяйствомъ и не касаясь общаго войсковаго, ведутъ непрерывную борьбу съ хозяйственными правленіями, борьбу, въ которой страдаютъ конечно интересы казачьи сословные и въ особенности военные.

Въ свою очередь судъ, составленный изъ людей, чуждыхъ краю, и руководящійся закономъ, выработаннымъ для вполнѣ гражданскихъ, а не военныхъ общинъ, подрываетъ главныя основанія устройства послѣднихъ—незная въ дѣлахъ общественныхъ различія между чинами и почти оправдывая даже такія происшествія, какъ нанесеніе урядникомъ побоевъ Войсковому Старшинѣ, при полномъ станичномъ сходѣ. Страдая вмѣстѣ съ тѣмъ общими всѣмъ Кавказскимъ судебнымъ учрежденіямъ недостатками, судъ этотъ при всѣхъ его хорошихъ качествахъ, не ограждаетъ личной и имущественной безопасности казаковъ и число происшествій въ станицахъ по прежнему поражаетъ громадными размѣрами, (въ Терскомъ войскѣ ежегодно угоняется болѣе 2 т. головъ рогатого скота, и лошадей,) а казаки остаются въ состояніи постоянной тревоги.

Въ видѣ иллюстраціи къ сказанному и для подтвержденія равнодушнаго и формальнаго отношенія гражданской администраціи къ казакамъ можно припомнить, что въ 1871 году Терская областная администрація обложила собственною властью, въ видѣ опыта, казаковъ нѣсколькихъ станицъ подушнымъ сборомъ, для поддержанія ирригаціоннаго канала; опытъ этотъ продолжался до послѣдняго времени и теперь производится, по обыкновенію медленно подвигающаяся переписка о томъ, кто и на какомъ основаніи допустилъ такое нарушеніе закона.

Таже администрація обезпечивала въ теченіи многихъ лѣтъ разъѣзды своихъ чиновниковъ по округамъ, т. е. преимущественно по ауламъ на счетъ казаковъ, облагая ихъ сборами, достигавшими до полуторы и болѣе тысячь руб. со станицы, на содержаніе земскихъ троекъ, не только въ своихъ станицахъ, но и въ раіонѣ горскихъ поселеній.

При ревизіи административныхъ учрежденій Кубанской области, произведенной дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Кучаевымъ въ 1884 году, имъ было между прочимъ замѣчено: 1) что областною администраціею не было и возбуждаемо до сихъ поръ вопроса о томъ подлежатъ ли лица войсковаго сословія оплатѣ приносимыхъ ими въ администра-

тивныя учрежденія прошеній гербовымъ сборомъ, отъ котораго давно избавлены крестьяне внутреннихъ губерній и почему то, не требуя оплаты составляемыхъ станицами общественныхъ приговоровъ, администрація строго взыскиваетъ его съ отдѣльныхъ казаковъ.

2) Неправильное замежеваніе въ юртовой надѣлъ береговыхъ приморскихъ полосъ, стѣснило права всего войска на пользованіе рыбными ловлями и побудило не только станицы, но и различныя поселенія иногородныхъ, водворившихся на войсковыхъ земляхъ, претендовать на исключительное право пользованія какъ этими полосами, такъ и рыбными ловлями, въ явное противорѣчіе съ основными привиллегіями войска. Переписка же, возбужденная по этому поводу войсковымъ хозяйственнымъ правленіемъ съ областнымъ, по обыкновенію, остается безъ результатовъ.

3) По дѣламъ общественнаго призрѣнія между войсковымъ и областнымъ правленіями, изъ которыхъ первое вѣдаетъ средствами и капиталами, на этотъ предметъ выдѣляемыми, а другое вообще дѣлами призрѣнія, происходитъ нескончаемая переписка и пререканія, не однократно доходившія до Правительствующаго Сената и другихъ высшихъ Государственныхъ учрежденій и продолжающаяся и по настоящее время.

4) Послабленія, а иногда и покровительство областной администраціи иногороднимъ въ ущербъ казачьему населенію, выразились не только въ предоставленіи имъ самаго широкаго пользованія правомъ пріобрѣтать собственность въ станицахъ, безъ согласія обществъ, но и въ дозволеніи основывать цѣлыя отдѣльныя поселенія на казачьихъ земляхъ, какъ это случилось въ юртѣ ст. Неберджаевской, гдѣ водворились два греческихъ поселенія, на арендаторскихъ правахъ, въ юртѣ станицы Натухаевской, гдѣ поселилось 169 семействъ, безписьменнаго люду, которыхъ станица напрасно много уже лѣтъ проситъ удалить и наконецъ въ поселеніи на Челбасской степи болѣе 1 т. семействъ разнаго сброда, удаленіе котораго потребовало исключительныхъ мѣръ. Такія впрочемъ селенія разсѣяны по всѣмъ войсковымъ, а частью и по станичнымъ землямъ.

5) Разсматривая дѣятельность строительнаго отдѣленія и признавая ее не плодотворною, ревизовавшій область, въ числѣ другихъ примѣровъ отношенія къ дѣлу областной администраціи, приводитъ непроизводительность расходовъ по сооруженію Варениковской дамбы: войско ассигновало въ 1881 году 30 т. рублей на производство техническихъ работъ, а жители взяли на себя, вѣроятно по предложенію областнаго правленія, обязательство доставить для работъ щебень, въ количествѣ 250 куб. саж. Обязательство это было добросовѣстно выполнено, хотя каждая сажень обошлась казакамъ въ 40 рублей. Сдѣлано же было полотна менѣе чѣмъ на половину, главный мостъ остался неисправленнымъ, а остальные скрѣплены слабо, дорога узка, откосы неукрѣплены, а другая половина, вдоль которой лежитъ свезенный щебень, обратилась въ непроѣздную и дамба оказалась едва ли не въ худшемъ противъ прежняго положеніи. Ревизовавшій обратилъ при этомъ вниманіе на то, что всѣ строительныя сооруженія въ области, а въ томъ числѣ и дамба исполнялись хозяйственнымъ способомъ, при чемъ составленіе смѣтъ, исполненіе работъ и техническая повѣрка ихъ производилась двумя лицами: областнымъ инженеромъ и областнымъ архитекторомъ, т. е. если одинъ изъ нихъ былъ производителемъ работъ, то другой эти работы контролировалъ и обратно, войско же платившее деньги оставалось въ сторонѣ.

6) По межевому дѣлу, первыя заботы администраціи по учрежденіи областей посвящены были отводу участковъ, Высочайше пожалованныхъ разнымъ лицамъ, въ числѣ которыхъ заключалось значительное количество гражданскихъ чиновниковъ. При первоначальной раздачѣ, размѣръ этихъ участковъ простирался во многихъ случаяхъ до 5 и даже

10 тысячъ десятинъ. Именно на обезпеченіе этихъ лицъ доставшеюся имъ наградою за покореніе края и были направлены всѣ межевыя силы Кубанской области, отвлеченныя тѣмъ отъ надѣла землею новыхъ поселеній за Кубанью казаковъ, кровью своею и полнымъ почти разореніемъ при переселеніи, заплатившихъ за этотъ край. Такимъ образомъ въ Кубанской и Терской областяхъ роздано лицамъ гражданскаго и военнаго вѣдомства 408636 десятинъ, а въ Черноморскомъ округѣ пожаловано 38300 д. и продано на льготныхъ условіяхъ 3965 д.

Вступая въ управленіе Кавказскимъ краемъ, Главноначальствующій гражданскою частью въ немъ направилъ всѣ личныя средства Кубанской области на обмежеваніе казачьихъ юртовъ, но при этомъ немедленно же оказалось, что за указанною выше щедрою раздачею казавшихся свободными земель, казачьи станицы, особенно за Кубанью, не могутъ получить опредѣленнаго имъ положеніемъ количества земли и вслѣдствіе этого, теперь многія изъ нихъ вынуждены арендовать такъ называемыя пожалованныя земли, изъ которыхъ почти всѣ перешли уже въ руки разнаго рода иногородныхъ эксплуататоровъ, хищнически истощающихъ плодородную почву Закубанья и стѣсняющихъ казаковъ, лишая ихъ, какъ когда-то говорили Волжцы, «обыкновенныхъ и самонужныхъ выгодъ.»

При такомъ общемъ положеніи дѣла ревизовавшій область, нѣсколькими приведенными имъ примѣрами, доказываетъ, что областное правленіе относится къ этому дѣлу исключительно съ одной только формальной стороны, между тѣмъ какъ имѣя право постановлять окончательныя рѣшенія, оно должно бы было относиться къ разрѣшенію столь важной задачи, особенно осторожно и обстоятельно. Кромѣ того, при ревизіи было замѣчено, что на основаніи правилъ 21 Апрѣля 1869 года, которыми станичнымъ обществамъ предоставляется распредѣлять юртовый надѣлъ на ровные по достоинству паи, областное правленіе допустило произвести въ нѣкоторыхъ станицахъ размежеваніе этихъ паевъ, подъ наблюденіемъ даже уѣздныхъ начальниковъ, для чего станицы платили землемѣрамъ до 2 т. рублей. Такимъ размежеваніемъ общинное право пользованія землею было упразднено областнымъ правленіемъ и на многихъ паяхъ водворилось уже иногороднее хозяйство.

Говоря о положеніи межеваго дѣла и довольствіи казаковъ землями и угодіями нельзя не припомнить, что при первомъ объѣздѣ Кубанской области Главноначальствующему гражданскою частью на Кавказѣ, кромѣ общей жалобы всѣхъ станицъ Закубанскихъ на недостатокъ земли и наплывъ иногородныхъ, высказано было еще другое весьма важное обстоятельство: по неразмежеванію станичныхъ юртовъ всѣ лѣсныя угодія, находившіяся во временно отведенныхъ войску границахъ, въ вѣдѣніе войскового начальства не поступили, а оставались въ управленіи министерства государственныхъ имуществъ, которое и взимало съ казаковъ попенныя деньги за ихъ общественный лѣсъ. Лѣсъ же этотъ, вслѣдствіе недостатка и дурнаго качества, еще неприготовленной къ обработкѣ, земли—составляетъ единственный источникъ существованія Закубанскаго казачьяго населенія. Нынѣ, при производящемся размежеваніи станицъ, оказалось что всѣ эти лѣса входятъ въ станичные юрты, исключая нѣкоторыхъ большихъ дачъ и потому въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ процесъ войска съ министерствомъ государственныхъ имуществъ о возвратѣ всѣхъ неправильно взысканныхъ съ казаковъ пошлинъ.

и 7) Всего же рельефнѣе выразились отношенія гражданской администраціи къ казачеству, въ подробно указанной въ трудахъ послѣдняго пересматривавшаго казачьи положенія комитета, дѣятельности ея въ дѣлѣ устройства въ Кубанской области иногородныхъ, наплывъ которыхъ принялъ размѣры угрожающіе.

Недостатки существующей системы управленія Кавказскими казачьими войсками

побудили Командующаго нынѣ войсками Кавказскаго округа, генералъ-адъютанта князя Дондукова-Корсакова повергнуть на Высочайшее воззрѣніе, въ докладѣ 7 Апрѣля 1883 года, то состояніе, въ которомъ князь принимая управленіе Кавказскимъ краемъ, нашелъ войска эти и всеподданнѣйше просить указанія благоугодно ли будетъ Его Императорскому Величеству сохранить и на будущее время Кавказскія казачьи войска или вести ихъ къ окончательному сліянію съ гражданскими сословіями Имперіи. Представивъ соображенія о настоятельно необходимыхъ въ первомъ случаѣ мѣрахъ, Командующій войсками округа просилъ, если Государю Императору благоугодно будетъ одобрить ихъ, то подробную ихъ разработку и составленіе проектовъ новыхъ положеній возложить на коммисію, образованную на мѣстѣ.

Его Императорское Величество, 28 Августа 1883 года, соизволилъ повелѣть образовать, согласно ходатайству Командующаго войсками, особую коммисію.

Составленная изъ представителей казачьяго населенія Кавказскихъ войскъ и членовъ отъ министерствъ, принимающихъ участіе въ управленіи казаками, коммисія эта пришла къ единогласному почти заключенію, что для поддержанія казачества на Кавказѣ первою и всего болѣе необходимою мѣрою должна быть реорганизація административныхъ учрежденій имъ управляющихъ и въ представленныхъ, въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1884 года, проектахъ разработала предположенія войсковаго наказнаго атамана и высказала свои соображенія объ устройствѣ, которое слѣдовало бы придать будущимъ учрежденіямъ.

Изъ всего изложеннаго выше, нельзя не видѣть, что нынѣ существующія учрежденія, созданныя съ предвзятою мыслью слить казачье населеніе съ прочими сословіями государства, должны уступить мѣсто другимъ, въ силу Высочайшей воли, сохранить казачество какъ отдѣльное сословіе и поддержать его бытовыя особенности. Невозможно конечно возвращаться и къ учрежденіямъ 1842 и 1845 годовъ, давно уже признаннымъ неудовлетворительными.

Исторія прошлаго говоритъ настоятельно, что для поддержанія казачества учрежденія эти должны быть казачьи по составу и по духу и подчиненныя военному министерству, къ чему въ Кубанской области конечно и затрудненій никакихъ встрѣтиться не можетъ, такъ какъ, при условіяхъ совершенно аналогичныхъ, существуютъ же, безъ затрудненій и неудобствъ, казачьи учрежденія въ войскѣ Донскомъ. На Кубани онѣ могли бы быть примѣнены съ нѣкоторыми измѣненіями, для того, чтобы избѣгнуть неудобнаго для станицъ соперничества равноправныхъ и не зависимыхъ другъ отъ друга властей, лишнихъ инстанцій, въ родѣ приставовъ и ненужной въ учрежденіяхъ исполнительныхъ коллегіальности. Нѣсколько иначе поставлено дѣло въ Терской области, гдѣ необходимо примирить два разнородныя требованія отъ будущей администраціи: она должна быть казачья и въ тоже время общая какъ для населенія казачьяго, такъ и для превосходящаго его, болѣе чѣмъ вдвое числительностью, горскаго. Путь для разрѣшенія этого затрудненія указанъ Войсковымъ Наказнымъ Атаманомъ Кавказскихъ казачьихъ войскъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ 1883 года и заключается въ уничтоженіи черезполосности, округленіемъ границъ войсковой территоріи и включеніемъ въ нея нѣкоторыхъ частей горскаго населенія, съ устройствомъ для нихъ общей съ казаками казачьей же окружной администраціи; въ устройствѣ на иныхъ основаніяхъ такой же, т. е. окружной администраціи, для сплошнаго горскаго населенія; въ объединеніи управленія этими частями населенія области въ лицѣ наказнаго атамана и въ войсковомъ правленіи, общемъ для всѣхъ частей области и наконецъ въ подчиненіи обоихъ войскъ, также какъ и управленія горцами, Войсковому Наказному Атаману·

Библиотека
Ростов н-Д.
им. К. Маркса